

Рассылается по специальному списку

№ 000040

КПСС: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ... ЗАВТРА?

Сборник материалов
зарубежной печати

Удмуртский обком КПСС
Вх. № 37, на 49 листах
06.07 19 90 г.
Подлежит
возврату в общ. отдел

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1990

КПСС: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ... ЗАВТРА?

Сборник материалов
зарубежной печати

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1990

Составители: *М. Ф. Носова, Н. С. Серегин*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОГРЕСС»

Широкомасштабные, глубинные процессы обновления, охватившие практически все стороны жизни советского общества, безусловно, оказывают значительное воздействие на политическую, идеологическую и практическую деятельность КПСС. Перестройка в партии, на протяжении десятков лет являвшейся ведущей силой в нашем обществе, может оказать огромное влияние на весь процесс социально-политических, экономических и культурных преобразований в Советском Союзе. Это понимают не только советские люди, но и здравомыслящие западные политики, исследователи и общественные деятели. Вот почему вопросам реорганизации КПСС, политическим дискуссиям, ведущимся вокруг партийной политики в СССР, в западной печати уделяется самое пристальное внимание. Эти публикации имеют различные оттенки, отличаются разнообразием оценок и подходов, но, как правило, нацелены на демонтаж КПСС, ликвидацию ее авангардной роли, либо придание ей других функций в советском обществе.

Суждения буржуазных политологов нередко отличаются критической заостренностью, резко высвечивают наши многочисленные промахи и недостатки. При этом отдельные авторы показывают возможные направления выхода из кризисной ситуации, тогда как другие лишь злорадствуют по поводу «вопиющих провалов».

В предлагаемом вниманию читателей небольшом тематическом сборнике, выпускаемом накануне XXVIII съезда КПСС, представлены некоторые, наиболее типичные материалы, в которых западные авторы анализируют процессы перестройки КПСС. Среди авторов — такие известные публицисты и журналисты, как Эрнест Мандель, Ричард Саква, Джон Гошко, Уильям Сэфайр, Фред Коулмэн, Кеннет Карри, Майкл Уоллер и другие. Их материалы дают возможность

Редакторы: *М. Ф. НОСОВА, Н. С. СЕРЕГИН*

взвесить и оценить отношение западных политологов и значительной части общественности стран Запада к сложным и многообразным перестроечным процессам в нашей стране и, в частности, в КПСС.

Издательство «Прогресс» в целях информации направляет читателям сборник материалов западной печати: «КПСС: вчера, сегодня и... завтра?»

Ричард Саква

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ*

Коммунистическая партия Советского Союза является основой политической системы. Главная причина «неписаной конституции» заключается в существовании партии, обладающей огромной, хотя и неопределенной властью. Партия действует как «министерство политики», однако ее деятельность далеко выходит за соответствующие рамки. Большевистская партия действительно была, как это утверждал Ленин, «партией нового типа» — уникальным сочетанием организационных и идеологических нововведений. При Брежневе происходила эрозия партийного авторитета, по мере того как возникали застойные явления в области партийной идеологии, доверие к партийным кадрам открывало путь к коррупции, а политика стабильности лишала партию мобильности. Честолюбивое намерение Горбачева заключается в том, чтобы восстановить авторитет партии благодаря действительно высоконравственному руководству, эффективной политике и отождествлению целей партии с чаяниями и надеждами населения. Попытки пересмотреть отношения партии с обществом предпринимались и раньше. Такие прецеденты, не вылившиеся в плюрализм, наблюдались у Хрущева — и здесь Горбачев следует его традиции, — у чехословацких реформаторов в 1968 г., сюда также относится попытка внутреннего обновления польской партии в 80-е годы.

Пополнение партийных рядов

К 1988 г. КПСС насчитывала 19,5 млн. членов и кандидатов в члены партии, что составляло 9,7% взрослого населения страны. Один из пятнадцати, или 6—8%, всего населения, которое достигает 284 млн. человек, является членом партии. Политика пополнения партийных рядов основывается на той идее, что партия представляет «сливки» населения, самых преданных и самых способных людей, которые готовы служить своей стране с максимальным использованием своих сил и возможностей. На этом принципе в значительной сте-

* *Richard Sakwa. Soviet Politics: An Introduction. London, New York, 1989, p. 125—150.*

пени покоится законность господствующей роли партии в советской политической жизни. Если бы партия воспринималась как собрание временщиков и карьеристов, то она бы лишилась своей господствующей роли и была бы вынуждена более открыто прибегать к принуждению.

Членов партии можно разделить на три категории. Первая группа — это партийные аппаратчики, которые освобождены от всякой другой работы и представляют собой собственно партийную бюрократию. Ее точный количественный состав неизвестен, однако в пропорциональном отношении это довольно небольшая группа, к которой относится около 2% всех членов партии. Некоторые члены этой группы входят во вторую категорию — партийных активистов. В феврале 1986 г. избранных партийных руководителей, не все свое рабочее время отдающих партийной работе, было 5,3 млн. человек, что составляло 29% всех членов КПСС. Третья группа состоит из рядовых членов партии. Некоторых из них приняли в партию не из-за их какой-то особенной преданности делу партии, а потому, что они лучшие в своей профессии. Они играют роль «кадров» в избранной ими области, представляя партию и ее политику на своем рабочем месте. Их роль заключается в массовом руководстве; они представляют собой канал для передачи информации своим коллегам и в обратном направлении.

Ленинское представление о коммунисте как убежденном революционере остается в силе, и постоянно наблюдаются попытки поддерживать уровень активности (противопоставляемой пассивности) во всех сферах жизни члена партии. При Горбачеве роль каждого отдельно взятого члена партии значительно повышается. Цель заключается в том, чтобы оживить участие в политической жизни каждого коммуниста и таким образом возродить способность партии к активному участию в партийных и общественных делах. В то время как традиционно КПСС была кадровой партией, партией, состоящей из посвятивших себя ее делу активистов, теперь она, совершенно очевидно, становится также и массовой партией. Различие между прежней и нынешней коммунистической партией начинает исчезать, хотя в каком-то смысле она представляет собой массовую партию, ведомую кадровым корпусом. Фундаментальная дилемма заключается в том, каким образом примирить ее массовые функции с ее авангардной, или руководящей, ролью. Похоже, что существуют пределы размеров партии, составляющие приблизительно 10% взрослого населения и установленные с целью поддержания баланса между ролью кадров и ролью масс, а также с тем, чтобы предотвратить ее «растворение» в обществе.

Теоретически членом партии может стать любой гражданин Советского Союза, однако здесь действуют разнообраз-

ные процессы отбора. Перспективных людей приглашают вступать в нее, поскольку решение принимается не столько самим индивидуумом, сколько партийной организацией. Пополнение партийных рядов стало представлять собой расширенную систему кооптации. Проверка кандидата заключается в рекомендациях, которые дают ему члены партии с не менее чем пятилетним стажем, в одобрении его кандидатуры на партийном собрании, как правило, по месту работы, подтверждении решения собрания официальными партийными представителями на более высоком административном уровне и в 12-месячном кандидатском сроке, в течение которого кандидат должен доказать, что он достоин быть членом партии, посещая партийные собрания, хорошо выполняя свою работу и обнаруживая соответствующую политическую сознательность. В течение перестройки условия приема стали более строгими: теперь для демократизации процесса приема в партию проводится предварительное обсуждение кандидата в его рабочем коллективе. Приблизительно 5% кандидатов не удается стать членами партии. Эта система представляет собой наследие дореволюционных процедур, предназначенных для того чтобы избежать проникновения в партию полицейских агентов.

КПСС делает упор на обязанностях, связанных с членством в партии, а не на привилегиях. Тем не менее существуют и преимущества, такие, как возможность занять тот или иной пост, а также получить доступ к так называемой партийной информации, которая далеко не всегда доступна рядовым гражданам. Коммунистов гораздо чаще выдвигают на ответственную должность, и они могут критиковать других коммунистов. Важное значение имеют личные качества желающего вступить в партию, однако для представителей определенных социальных и национальных категорий, таких, например, как рабочие, вступить в партию легче, чем для других, поскольку это отвечает целям центрального партийного руководства. Вместе с тем определенные высшие посты почти всегда зарезервированы для членов партии. Это, в частности, относится к старшим офицерам вооруженных сил, где членство в партии является обязательным условием продвижения по службе.

Начиная с 1917 г. в процессе пополнения партийных рядов наблюдалось чередование периодов интенсивного и ограниченного роста. Замедление роста рядов партии является реакцией на то, что Джон Миллер называет «дилеммой роста партии», которая возникает, когда быстрое пополнение ее рядов угрожает руководящему положению партии.

Социальный состав партии всегда служил предметом первостепенной озабоченности. Партия претендует уже не только на то, чтобы являться авангардом рабочего класса, но и

на то, чтобы быть авангардом всего общества в соответствии с концепцией всенародного государства, и это является оправданием приема в партию служащих. КПСС по-прежнему заявляет о своих особых отношениях с рабочим классом, несмотря на то что с 1918 г. рабочий класс никогда не охватывал абсолютного большинства коммунистов. Хрущевскую политику увеличения численности рабочих в КПСС продолжали его преемники. К 1986 г. 59,4% новых членов партии были рабочими, 26,1 — служащими, 3,2 — представителями администрации и хозяйственного руководства, 9,9 — колхозниками, 1,4 — студентами, в обществе, где 61,7% составляют рабочие, 26,2 — служащие, 12,1% — колхозники. Учитывая растущий образовательный уровень, увеличение в процентном отношении количества новых членов партии, попадающих в графу «рабочие», не обязательно означает, что эти люди занимаются ручным трудом или что они работают в традиционных видах производства. Упор делается на пополнение партийных рядов за счет рабочих, занятых в таких передовых отраслях промышленности, как электроника, коммуникации, энергетика и инженерное дело.

Что касается служащих, то $\frac{3}{4}$ тех из них, кто вступает в партию, являются профессионалами высокой квалификации: это агрономы, инженеры, учителя, врачи и деятели культуры. Обратной стороной этого является опасность того, что определенные слои общества, в частности бедные и малообразованные люди, могут оказаться не представленными в КПСС. Партия постепенно становится все очевиднее партией служащих, людей более образованных и горожан, которые в процентном отношении представлены в ней шире, чем во всем населении в целом.

Членов партии, особенно тех, что находятся на ее высших уровнях, можно разделить на три поколения. Пополнение партийных рядов прошло через последовательные фазы, которые остались в партии, подобно геологическим пластам. Когорта, возвращенная при Сталине, все еще занимает командные посты, однако она постепенно уступает место послесталинскому и послевоенному поколению. Андропов относился одновременно к консервативному авторитарному крылу старого поколения и к более молодым технократам. В первые годы большевистского правления средний возраст члена партии немного не достигал 30 лет, однако ко времени правления Хрущева он был лишь немногим ниже среднего возраста по всей стране, а в настоящее время партия идет в ногу с общим старением населения.

Национальный состав партии заботит партийное руководство не меньше, чем ее социальный состав. Представляется очевидным, что руководство не в состоянии контролировать пополнение партийных рядов на национальной основе так же

тщательно, как оно может проследивать социально-экономические тенденции. Вопрос этот чрезвычайно болезненный, и похоже, что, какую бы стратегию партия ни принимала, либо та, либо иная этническая группа будет чувствовать себя обиженной.

Пополнение партийных рядов позволяет партии действовать в качестве массивного механизма объединения общества в политическую систему. Со времени падения Хрущева в этой области придерживались стабильной политики и неизменных принципов приема в партию, и в ней адекватно представлены почти все части общества. Несбалансированности прошлых лет — такие, как непропорциональное представительство служащих или мужчин и женщин, — были уничтожены, однако возникли некоторые новые несбалансированности, например, вне своих республик недостаточно представлены различные национальности, а также малообразованные слои населения.

Организационная структура

Система организации партии, в том виде, в каком она сформировалась в первые годы Советской власти и укрепилась при Сталине, лишь в очень незначительной степени допускает демократию в партии. «Циркуляция потока власти» начиная с 1921 г. привела к превращению демократического централизма в его противоположность, так что вместо выборов, осуществляемых снизу вверх, партийная избирательная система объединилась с партийным аппаратом, и это привело к «отбору» подходящих кандидатур сверху вниз, а затем эти кандидатуры «избирались» в соответствующей организации. Вместо того, чтобы Центральный Комитет избирал Политбюро, Политбюро отбирало членов Центрального Комитета, которые затем утверждались на партийном съезде. При Горбачеве такое положение дел начало меняться. Делается меньше упора на централизм и больше — на демократию. Намерение Горбачева заменить назначение на тот или иной пост выборами угрожает системе номенклатуры. Все должностные лица в партии, включая Генерального секретаря, могут находиться на своем посту не более чем в течение двух пятилетних сроков. Демократия внутри партии больше не расценивается как замена демократии в обществе. Стало очевидно, что ни одна из них не может выжить без другой.

Партия, государство и правительство

В статье 6 Конституции 1977 г. дается общая формула роли коммунистической партии в Советском государстве. Это всего лишь общее определение власти партии в системе Со-

ветов и министерств. Двусмысленность советского конституционализма означала, что с самого начала многие проблемы демократического централизма, партийно-государственных отношений, а также возникающие в других сферах советской жизни, решались не столько согласно конституционному положению, сколько по традиции. Сложную проблему представляют отношения между партией и государством, поскольку КПСС является не только «сердцем» государства, но потенциально самим государством. В Советском Союзе в действительности существует два фактически действующих правительства: партийная и государственная системы. И тем не менее партию не следует отождествлять с правительством или государством, несмотря на ее тесные связи с ними. С 1917 г. партия фактически является старшим исполнительным органом советского правительства, где все решения принимаются и утверждаются. Верховный Совет и Совет Министров действуют в качестве младших административных органов, проводя в жизнь решения, принятые соответствующим партийным комитетом. Такой перехлест и отсутствие точного определения функций представляют собой естественное следствие того, что в Конституции отвергается разделение властей. Отношения между партией и государством имеют решающее значение, и тем не менее они не одинаковы в разные периоды, на разных иерархических уровнях и в разных регионах страны. Система власти одновременно едина и запутанна.

Партия не предназначена для того, чтобы действовать в качестве государственного органа или альтернативы государственным структурам, хотя на практике это не всегда соблюдается. Партийный контроль над государственной и правительственными системами достигается с помощью шести основных механизмов.

1) Использование партийных организаций в Советах, институтах и массовых организациях. Партийная организация действует как узкий состав руководящего органа, направляющий работу всего этого органа. В небольших Советах партийная фракция часто находится в меньшинстве (в 1980 г. таких Советов было более 43%), однако на более высоком уровне коммунисты всегда в большинстве, и, чем выше уровень, тем больше там процент членов партии. Этот узкий состав руководящего органа подчиняется местному партийному комитету. Такая партийная фракция в Совете, как правило, собирается до заседания Совета, с тем чтобы скоординировать свою политику. Вся эта система представляет собой суть классического ленинизма и обеспечивает такой порядок, при котором соответствующий орган принимает партийную политику, выработанную в другом месте. Группа беспартийных депутатов лишена права отдельно собираться до заседания Совета, и, следовательно, эти депутаты — как бы они того ни желали —

не могут выработать платформы согласованной оппозиции.

2) Влияние партии направляется по каналам обширной сети первичных партийных организаций. Эти первичные партийные организации на заводах и фабриках, в колхозах и учреждениях осуществляют самые разнообразные функции. Они контролируют деятельность местных хозяйственных органов, распространяют последние политические директивы и обеспечивают выполнение планов. Партийный секретарь на любом предприятии является значительной фигурой, чьи конкретные права никогда не были четко обозначены. Главное, что он имеет право контроля над производством. Поскольку директор предприятия, как правило, тоже коммунист, то он в любом случае стремится обеспечить, чтобы его решения соответствовали директивам партии.

3) Назначение на все важные посты осуществляется через систему номенклатуры. Таким образом партия обеспечивает лояльность как назначаемых людей, так и организаций, в которых они работают. Эта система позволяет коммунистической партии с максимальной эффективностью использовать своих членов, расставляя их на стратегически важные посты.

4) Такая система назначений подкрепляется широко распространенным совмещением должностей. Партийные руководители местного значения — это часто те же самые люди, которые руководят местными Советами или другими государственными органами.

5) Окончательное принятие решения всегда остается за партией, и она сохраняет контроль над формированием политики. Хилл и Фрэнк называют партийную программу «идеологической конституцией» страны, в которой очерчены решающие теоретические положения, касающиеся данного этапа. Партия действует как «мозг» страны. Ее решения, как правило, проводятся через соответствующий Совет или правительственный орган и таким образом обретают силу закона.

6) Ответственность за выработку политики тесно связана с ответственностью за проведение ее в жизнь — система исполнительной ответственности. В партии существует своя параллельная структура комитетов, и она на всех уровнях является наиболее значительным источником власти. Местные Советы или органы, подчиняющиеся правительству, научились жить в условиях вмешательства в их работу партийных представителей, а поскольку большинство из них разделяет общую лояльность по отношению к партии, особой враждебности обычно не возникает. Местные партийные организации и их секретари представляют собой краеугольный камень мощной системы партийного контроля, осуществляемого на всех уровнях, сверху донизу. Первые секретари республики, обкома и горкома являются могущественными официальными

ми лицами в своем регионе. Хью сравнивает их с французскими префектами, действующими в качестве полномочных представителей центральной власти в целях обеспечения проведения в жизнь экономической и политической программ. Они ведают назначениями и контролируют работу промышленности и сельского хозяйства. Местные партийные секретари несут ответственность за эффективность экономической деятельности и политическую стабильность. «Префектам» рекомендуется более широко смотреть на вещи и следить за тем, чтобы общие условия жизни рабочих, снабжение продовольствием и т. п. не достигали кризисного состояния. При Брежнев эта система в целом работала эффективно, и крупных конфронтаций с рабочими, таких, как в Новочеркасске в 1962 г., не было.

Поскольку в местных партийных организациях всех уровней имеются отделы, заполненные собственными экспертами, можно предположить, что уровень тщательного контроля, осуществляемого партией, достаточно высок. Партийные и государственные структуры действуют параллельно друг другу, и налицо определенное дублирование в сфере получения информации и приобретения компетенции. По мере того, как повышается роль экспертов, все более стирается демаркационная линия между сферами компетенции партии и государства. Предполагается, что партия должна действовать в качестве высшего рационального координатора. Однако рациональность зависит от множества соображений, которые могут находиться в противоречии с задачей достижения максимальной экономической эффективности. При Брежнев партийно-государственная административная структура не всегда вела к принятию достаточного числа «рациональных решений». Именно по этой причине Горбачев в 1988 г. реорганизовал Секретариат Центрального Комитета.

Повсеместное вовлечение в администрирование партийных должностных лиц через посредство этих шести механизмов дает основание предположить, что во многих отношениях страна слишком обременена администраторами. Отсутствие точного определения руководящей роли партии и границ ее обширной власти порождает тенденцию к превращению ее руководящих функций в функции заместителя. Подмена является постоянной чертой политической жизни, но она также часто проявляется в административной сфере. Характер вовлечения партии в дела местных Советов не может не принимать порой форм «мелкой опеки» и «параллелизма», которые осуждались с первых дней Советской власти. Еще VIII съезд партии в марте 1919 г. предупреждал, что партия должна руководить, а не сливаться с государственной административной системой. В течение более чем 70 лет трудно было установить рабочее равновесие, поскольку это структу-

ральная проблема и ее невозможно решить одними только декретами. Попытки более четко определить функции партии и государства, предпринятые в период перестройки, были сведены на нет решением о том, что местные партийные руководители одновременно занимают кресла руководителей местных Советов. Подмена фактически становится узаконенной.

Руководящая роль партии

Руководящая роль партии обеспечивается ее господствующим влиянием на выработку политики и отбор кадров. Политический уровень принятия решений (законодательная власть) и административный уровень проведения решений в жизнь (исполнительная власть) переплелись. По этой причине Кассоф характеризует советское государственное устройство как «администрированное общество», в котором политика уступила место широко распространенному администрированию. Это является главным наследием ленинского идеала самоуправляющегося государства-коммуны с высоким уровнем участия народа в управлении страной, направляемого партией по политически правильным каналам. В этой модели не оставалось места антагонистическим конфликтам, она требовала социального и политического единства, которое слишком часто ведет к подчинению и ортодоксальности. Партия заставляет «держаться шага» и направление, определяя выбор политики и различных аспектов государственного устройства. Перефразируя Маркса, можно сказать, что коммунистическая партия является не чем иным, как исполнительным комитетом для управления коллективными делами социалистического государства.

Характер партий советского типа давно уже служит предметом дискуссий. Может ли вообще партия быть действительно партией в однопартийном государстве? Ведь в таком случае отсутствует свободное пополнение ее рядов, партия контролируется своим руководством и она доминирует во всей политической сфере, полностью исключая возможность того, чтобы какие-либо другие политические партии играли сколько-нибудь значительную роль. В разгар сталинизма партия потеряла некоторые атрибуты политической организации. В настоящее время ее функционирование в качестве партии в плане ее организации и структуры менее двусмысленно. Появление в мире целого ряда государств с *правящей* единственной партией заставило расширить концепцию партии за рамки определения, применимого к либеральным демократиям. Функции этой «партии нового типа» уникальны. Самое главное достижение такой партии состоит в сохранении отдельной организационной индивидуальности: она не поглоти-

ла функций государства (несмотря на то что временами она была опасно близка к этому) и не стала пленницей государства. Институциональная фрагментарность является с конституционной точки зрения хаотичной, и все же она позволяет партии сохранять свою индивидуальность.

КПСС является в одно и то же время массовой партией, охватывающей большое число членов общества, революционной партией, кадровой партией (или партией руководства) и чем-то наподобие мексиканской модели партии институционализированной революции. Это отражено в делении ее членов на три слоя, осуществляющих различные функции. Партия играет революционную роль в обществе внутри страны и за рубежом и в то же время у себя в стране играет роль кадровой партии. отождествление партии с новым правящим классом, совершенно очевидно, вводит в заблуждение, учитывая широкий спектр членства в ней. Вряд ли член партии, ежедневно работающий в колхозе или заводском цехе, является членом социальной элиты, хотя нельзя сказать, что члены партии не ощущают свою принадлежность к политической элите. Ясно, что партия является элитой в смысле избирательного приема в ее ряды и в силу провозглашенного ею своего более высокого статуса из-за принимаемой на себя большей ответственности. Разделение партии на маленький внутренний корпус и значительно большую массовую часть полезно с учетом того, что внутренняя партия полностью соответствует тем ее членам, которые занимают номенклатурные посты. Существует, однако, широкий спектр значимости этих постов. Средняя категория партийных активистов играет роль связующего звена между партией и обществом.

В функции партии входит объединение общества путем проведения широкой агитационно-пропагандистской работы через средства массовой информации, местные партийные организации и специальные органы агитационно-пропагандистской деятельности. В 1986 г. существовало более 1 млн. пропагандистов и 2,5 млн. агитаторов. На неэффективность в значительной степени такой работы указывают разложение и коррупция, царившие в последние годы правления Брежнева. Мало что было достигнуто в излечении таких болезней советского общества, как пассивность, потребительские настроения, ограниченность и предрассудки, мешанство, не говоря уже о предотвращении коррупции в рядах самих политических руководителей.

В огромной стране, протянувшейся от Тихого океана до Польши, в стране, где говорят на десятках языков и где проживают десятки национальностей, коммунистическая партия действует в качестве интегрирующей силы. КПСС играет активную роль как в экономически отсталых, так и в экономически передовых регионах. Ее влияние осуществляется бла-

годаря тем механизмам, о которых говорилось выше, однако она также является символической объединяющей силой, с которой отождествляют себя все классы и национальности. Центробежные тенденции в федеральной государственной структуре объясняются существованием централизованной и унитарной коммунистической партии. Информация из партийных организаций по всей стране ежедневно поступает в партийный штаб в Москве и обеспечивает руководство собственным источником информации о положении в стране. Партия в Советском Союзе эффективно пронизывает все общество, тогда как в Польше и в меньшей степени в Чехословакии существует разрыв, который можно охарактеризовать как разрыв между официальной системой и фактической деятельностью общества. Это различие в значительной мере проистекает из того, каким образом партийное правление было установлено в Восточной Европе после войны, а также из различия в политической культуре, однако в некоторой степени оно определяется также и тем фактом, что КПСС является значительно более пронизательным политическим менеджером, чем, скажем, польская партия. Законность КПСС базируется на гораздо более прочной основе, чем польской партии: последней удавалось сохраняться в качестве доминирующей силы и полагаться на принуждение только в экстремальных обстоятельствах. Мелвин Кроан утверждает, что коммунистическая партия не только имеет «глубокие корни» в советском обществе, но что она служит основой всего этого общества. Власть не просто перешла от старого режима к новому, но она была тщательно «перелопачена». Партия породила новую политическую структуру взамен той, которую она разрушила.

История послесталинской эпохи является историей того, как партия защищает свою «руководящую роль» в обществе, как она сражается за то, чтобы быть руководящей и направляющей силой в политических системах советского типа. При Сталине значение партии как действующего политического института уменьшалось, хотя, как мы видим, она сохранила источник своей законности. Сохранившееся в течение длительного времени достижение Хрущева заключается в восстановлении руководящей роли партии. Брежневское определение развитого социализма укрепило теоретические основы господства партии. В то время как марксизм говорил об окончательном исчезновении государства с исчезновением классовых противоречий и элементы этой концепции нашли отражение в идее всенародного государства, провозглашенного в 1961 г., не существует аналогичной теории окончательного исчезновения партии.

Трудно представить себе советскую политическую систему без коммунистической партии. Однако в своем восстановлении партии Хрущев не смог полностью вернуться к Ленину,

поскольку обстановка коренным образом изменилась. Ускорение прогресса в области науки и техники все чаще порождает дурное предчувствие, что сама руководящая роль партии может оказаться помехой на пути дальнейшего развития производительных сил общества. Уже сейчас попытки проведения экономической реформы, подобной реформе 1965 г., нацелены на замену определенного административного контроля, который осуществляется административным аппаратом, экономическими механизмами, действующими через элементы рынка. Были предприняты первые шаги, с тем чтобы сделать излишней непосредственно экономическую роль партии путем усиления запретов на вмешательство партии в производственные дела, которое охарактеризовано как «мелкая опека». Сопротивление реформе отчасти представляет собой сопротивление явному снижению роли партии в условиях рыночной экономики. Угроза возникает не только привилегиям бюрократической элиты: в конечном счете это угроза также всему политическому господству партии. Реформа централизованной административно-командной экономики могла бы угрожать всему устройству командного общества.

В 1968 г. Коммунистическая партия Чехословакии попыталась расширить определение руководящей роли партии с целью установить взаимоотношения с различными социальными силами общества. В «Программе действий», принятой в апреле 1968 г., утверждалось, что авторитет партии не происходит из раз и навсегда совершенного ею акта захвата власти, а основывается на ее повседневной деятельности и должен завоевываться изо дня в день. Руководящая роль партии должна сохраняться не в форме монополистической концентрации власти в ее руках, а через гегемонию. Коммунистический абсолютизм был ограничен, когда партия отказалась от своего наследственного права управлять. Это была не новая идея, поскольку в 1919—1920 гг. ее поднимали демократические централисты, когда они восставали против мелкой опеки со стороны партии, и она была поддержана «рабочей оппозицией» в отношении профсоюзов, однако при Сталине поднимать этот вопрос было запрещено. «Социализм с человеческим лицом», который создавал Дубчек, уничтожил цензуру печати, однако реформа, которая действительно привела к поспешному вторжению войск Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 г., касалась внутрипартийной организации. Положения партийного устава были настолько демократизированы, что допускалось тайное голосование при проведении внутрипартийных выборов и предусматривалась регулярная смена официальных партийных руководителей. Чехословацкая партия попыталась аннулировать введенный Лениным в 1921 г. запрет на созда-

ние организованных фракций. Демократический централизм был фактически отброшен, когда меньшинству внутри партии было позволено сохранять свою точку зрения даже после того, как решение принято. Вторжение было осуществлено не для того, чтобы восстановить руководящую роль партии, ибо этот вопрос никогда не подвергался сомнению, а для того, чтобы заставить ее работать по-прежнему. Советская коммунистическая партия отвергала идеи «Программы действий» и яростно отстаивала свое право управлять по-старому. В определенной степени отсутствие серьезных реформ после 1968 г. отражало брежневский политический тупик, который укрепился после вторжения. Экономические реформы, которые все-таки осуществлялись, касались внедрения новой технологии, совершенствования планирования и расширения власти центрального правительства.

Ленинская система представляет собой высокоэффективный механизм для сохранения власти. Советская коммунистическая партия, пожалуй, даже слишком успешно сопротивляется внутренним и внешним переменам. Однако, несмотря на то что КПСС успешно сопротивляется введению политического плюрализма, она сочла необходимым примириться с наступлением элементов социального и институционального плюрализма. Пирамидальные линии руководства покрывают государственную структуру сетью контроля над функционально отличающимися друг от друга группами и институтами. Гениальный руководитель пошел на уступки установившимся традициям и институционализации власти. Ричард Ловенталь описывает изменение роли партии в виде поворота от мобилизационной стадии, когда закладываются промышленные основы социализма, к постемобилизационной стадии, когда эпоха крупных преобразований подошла к концу. На второй стадии политическую монополию партии труднее оправдать, и ее следует укреплять на ином фундаменте. Согласно Сэмюэлю Хантингтону, проходимые стадии можно определить как «преобразование», «укрепление» и «приспособление», причем в ходе последней стадии — называемой также «постемобилизационной», или, как у Дэвида Эптера, «системой примирения», — режим постепенно втягивает различные стратегически важные части общества и в конце концов поглощает несогласных и устанавливает политически стабильную систему. Кеннет Джовитт более кроваваден и утверждает, что после стадий «мобилизации» и «приспособления» процесс включения не является ни неизбежным, ни необратимым и уж, во всяком случае, не происходит на условиях режима. Остается еще фундаментальный вопрос об успешной деятельности партии на стадии «включения». Зигмунд Бауман говорит о долговременном кризисе системы, а не о долговременной политической стабильно-

сти. Действительно, при Брежневе господствовала стагнация, а не политическая стабильность. Михаил Геллер считает, что партия паразитирует на обществе, что не является необходимым, однако оправдывается идеологией.

Государственная структура, в центре которой находится партия, сталкивается с трудностью приспособления к обществу, которое она создала. Трудность эта не нова, поскольку во многих отношениях проблема расширения внутрипартийной демократии — хотя она в течение длительных периодов подавлялась — никогда полностью не исчезала. Отношения между идеологией развития социализма и ленинской теорией организации партии с самого начала были проблематичными. Ленинская теория сознательности, сохранения просвещенной элиты навязывала определенные ограничения на организацию партии и на отношения партии с обществом. В Западной Европе несколько партий, в частности итальянская и испанская, отвергли ленинскую теорию партии как «передового отряда» и перешли на позиции еврокоммунизма, который развивает возможности, заложенные в чехословацких реформах 1968 г. В самом Советском Союзе вопрос становится даже более безотлагательным. «Временный» запрет на существование фракций, навязанный в 1921 г., выглядит здесь еще более анахроничным. Почему бы членам партии не собираться вместе и не обсуждать проблемы, вызывающие общий интерес? Как долго сможет партия удерживать волну социального плюрализма, который является неразрывной частью современного индустриального общества?

В настоящее время альтернатива контролю партии заключается не в проявлении технократической природы государственного администрирования или социалистической демократии. Партия являлась препятствием на пути не только демократизации, но и появления независимых технических сфер, в которых господствующую роль играло бы правление «специалистов». Следует, однако, отметить, что в самой технократии все чаще доминируют члены партии, а такого резкого разграничения между «красными» и «специалистами», какое было в ранние годы Советской власти, теперь не существует. Технократическая партия и правительственные служащие постепенно сливаются на платформе управленческого подхода к политике. Альтернатива технократии предлагается некоторыми ведущими сторонниками реформ в Советском Союзе, такими, как Рой Медведев, которые выступают в пользу четкого определения руководящей роли партии в контексте социалистической демократии. В настоящее время это проходит под рубрикой социалистического плюрализма. Такая точка зрения допускает наличие определенного спектра независимых социальных движений в рамках господствующей партии, власть которых определена и, следовательно, ограничена.

Партия шире использует государство, Советы, массовые организации, такие, как комсомол и профсоюзы, а также разнообразные объединения по интересам, как в качестве механизмов управления и формирования общественного мнения, так и в качестве средств выражения мнения и организации поддержки, в контексте более широкого доверия со стороны беспартийных масс и организаций. Необходимы правовые гарантии против произвола властей. Такая программа продвижения от восстановления социалистической законности к созданию правового социалистического государства влечет за собой переоценку роли и характера политики в советской государственной структуре, но ее жизнеспособность сомнительна.

Партия тесно связана с управлением государством, однако она является не просто «политическим посредником» между различными соперничающими группами. Подобно бонапартистскому государству, она в известной степени «стоит над» интересами воюющих сторон. При Брежневе партия в определенной мере потеряла свой динамизм, и практически часть ее авторитета перешла к могущественным группировкам специалистов и объединениям по интересам. Политика Андропова стала отчасти реакцией на социальное воздействие этой тенденции, однако она не затронула ее политических корней. При Горбачеве партия намерена оставаться доминирующей политической силой, однако поделиться частью своих управленческих функций. В период проведения реформы она сталкивается с фундаментальной дилеммой: с одной стороны, ей необходимо сохранить свое господство над государством и экономическими органами, с тем чтобы заставить проводить реформы; с другой стороны, эти реформы в конечном счете успешно завершатся только в том случае, если партия в определенной степени позволит группам и силам в обществе вступить в динамичные отношения друг с другом и сделать так, чтобы роль партии была фундаментально пересмотрена. Опыт нэпа в 20-е годы иллюстрирует некоторые возникающие при этом проблемы. Относительная самостоятельность, отведенная рынку и социальным силам, привела к росту разочарования среди части руководства, которое чувствовало, что роль партии как главной «созидательной силы» ставится под угрозу.

«Социализм с человеческим лицом», создаваемый Дубчеком, превратился при Горбачеве в перестройку, опирающуюся на человеческий фактор, оживившую некоторые из положений «Программы действий», связав экономическую реформу с гласностью. Наиболее настоящим является отступление от традиции тщательного надзора за местной хозяйственной деятельностью, по мере того как предприятиям предоставляется все большая автономия. XIX Всесоюзная партий-

ная конференция согласилась с тем, что проведение фундаментальной реформы в Советском Союзе требует переоценки отношений между партией и государством, и предоставления значительно большей независимости правительству от контроля со стороны партии. Партия должна руководить не столько с помощью административных методов, сколько путем политического и правового убеждения. Китайский опыт показал, что реформа политической структуры требует разделения функций коммунистической партии и правительства, передачи власти на более низкие уровни и реформы управления и хозяйствования. В 1988 г. китайский партийный руководитель Чжао Цзянь утверждал, что монолитному государству-партии в конце концов придет на смену «механизм контроля и баланса», действующий в контексте усиленной правовой системы и рыночной экономики.

В процессе проведения реформ, осуществляемых Горбачевым, подчеркивается, что не следует смешивать функции партии и других органов, и в то же время звучат призывы к активному участию партии в обеспечении проведения реформ. Партийный аппарат и номенклатура — это те силы, которые должны будут, по крайней мере на какое-то время оставаться вне процесса проведения реформ, с тем чтобы они осуществляли желаемые перемены, и тем не менее их присутствие мешает развитию необратимых и опирающихся на самих себя реформ. Для Горбачева здесь нет никаких противоречий. Перестройка была начата по инициативе партии и осуществляется под ее руководством, и все же он настаивает на том, что процесс проведения реформ требует радикального преобразования способа осуществления партией своей руководящей роли. Командно-административные методы должны уступить место политическим методам социального управления. Фундаментальный вопрос заключается в том, до какой степени партия должна модернизировать себя, чтобы создать рациональный механизм принятия решений во все более сложном и плюралистическом обществе. Это та же самая проблема, с которой столкнулись в первые годы Советской власти, а именно: необходимость не только найти в себе желание проводить реформы, но и создавать идеологическое оправдание этому.

Эрнест Мандель

ОТРАЖЕНИЕ МОРАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В НОВОЙ РЕДАКЦИИ ПРОГРАММЫ КПСС*

Новая редакция Программы КПСС, принятая на XXVII съезде, наглядно отражает неспособность команды Горбачева предложить глобальный ответ на морально-идеологический кризис советского общества. Это во многих отношениях удручающий документ. Он отмечает новый этап теоретического вырождения этой партии, еще более открытый разрыв с марксизмом. Новая редакция Программы представляет собой отступление даже в сравнении с хрущевской Программой, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г. Ее основной отличительной чертой является исчезновение любой сколько-нибудь содержательной и вдохновляющей исторической цели. Социалистическое общество мыслилось Марксом, Энгельсом, Лениным, Розой Люксембург, Троцким и всеми другими марксистскими теоретиками до конца 20-х годов как первая фаза коммунистического общества. Маркс в «Критике Готской программы» самым решительным и недвусмысленным образом утверждал, что уже на первой фазе коммунизма (при социализме) в том виде, в каком он выйдет из капитализма, то есть еще со всеми пережитками старого общества, объединившиеся производители не будут больше обмениваться товарами и не будут производить стоимости. Следуя логике сталинской теории, согласно которой строительство социализма может быть завершено в одной стране, Программа КПСС 1961 г. отодвинула отмирание товарного производства до установления коммунистического общества. Но цель хотя бы была поставлена. Речь еще шла о бесплатном распределении хлеба и даже других продуктов первой необходимости, начиная с 1980—1985 гг., когда Советский Союз обгонит по производству США. В Новой редакции Программы КПСС предусмотрительно уже даже не ставится к 2000 г. цель обогнать США. В том же духе из нее полностью исчезло отмирание товарного производства. Маркс между тем отмечает, что товарное производство существует только там, где труд носит частный характер. А вот идеологи советской бюрократии (трудно назвать их теоретиками)

* *Ernest Mandel. Ou va l'URSS de Gorbatchev?* Paris, 1989, p. 221—236.

намерены с товарным производством и частным трудом строить «коммунизм»!

Не менее ясно дела обстоят с государством. Если не считать одной невразумительной фразы, то в Новой редакции Программы не говорится об отмирании государства, а, напротив, призывается к его усилению. В ней, правда, упоминается о «всенародном государстве» вместо диктатуры пролетариата, но это было сделано еще в Программе 1961 г. Государство это — как и «руководящая роль партии» в нем — должно усиливаться, а не отмирать по мере «развития» социализма и построения «коммунизма». Классы и различные социальные слои — рабочий класс, крестьянство и интеллигенция (название, данное бюрократии) — сохраняются. Нам теперь хладнокровно объявляют, что даже при коммунизме будут классы и различные слои! И только при «высшей фазе коммунизма» появится «социально однородное общество», то есть общество без классов. Закроем стыдливо глаза на смелое новаторство — «низший коммунизм» с классами и государством, за которым последует «высший коммунизм». Напрасно мы искали бы следы этой «теории» у Маркса или Ленина. Обратим внимание только на признание: бесклассовое общество, которое должно характеризовать социализм, еще не существует в СССР. Значит, в этой стране еще нет социализма. Вот рациональное зерно всей этой идеологической тарабарщины.

В СССР сохраняются классы, утверждает в Новой редакции Программы КПСС, но они не антагонистичны. В таком случае зачем государство? Зачем нужно тем более его усиливать, усиливать секретную полицию, КГБ, к чему недвусмысленно призывал Горбачев в своем докладе на XXVII съезде? Почему общество не может само заниматься своими делами, а должно перепоручать руководство ими аппарату, отделенному от общества в целом, то есть государству? Энгельс отмечал: «По сравнению со старой родовой организацией государство отличается... учреждением *публичной власти*, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая публичная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были не известны родовому устройству общества». Есть ли в СССР такая общественная власть, армия, полиция, тюрьмы, всевозможные органы принуждения? Разумеется, да. Не свидетельствует ли их существование само по себе о наличии глубоких социальных противоречий в

стране? «Общенародное государство» доказывает как раз, что «народ» не «един», а социально расслоен. В противном случае народ не нуждался бы больше в государстве.

Выход из этого неразрешимого противоречия Новая редакция Программы КПСС ищет в классической лазейке сталинского происхождения, утверждая: «С точки зрения внутренних условий наше общество не нуждается в армии. Однако, пока существует опасность развязывания империализмом агрессивных войн и военных конфликтов, партия будет уделять неослабное внимание усилению оборонного могущества СССР, укреплению его безопасности, готовности Вооруженных Сил к разгрому любого агрессора. Вооруженные Силы и органы государственной безопасности должны проявлять высокую бдительность, всегда быть готовыми к пресечению происков империализма против СССР и его союзников». В свете марксистской теории государства, как она изложена в приведенной выше цитате Энгельса, этот аргумент не выдерживает критики. Общество, не разделенное на антагонистические социальные силы, не нуждается в армии, обособленной от него самого, для адекватной защиты от угрозы внешней агрессии. Напротив, благодаря как раз своей внутренней сплоченности оно может создать всеобщую боевую силу, намного превосходящую по эффективности любую специализированную армию. По сути, авторы Новой редакции Программы сами не верят своему утверждению, согласно которому вооруженные силы государственной безопасности служат исключительно в качестве защиты против возможного агрессора извне. Ведь в другом месте та же Программа утверждает: «...государственные органы обязаны делать все необходимое для обеспечения сохранности социалистической собственности, охраны личного имущества, чести и достоинства граждан, вести решительную борьбу с преступностью, пьянством и алкоголизмом, предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины». И дальше: «Партия придает первостепенное значение... искоренению нарушений трудовой дисциплины, хищений и взяточничества, спекуляции и туеядства, пьянства и хулиганства, частнособственнической психологии и стяжательства, подхалимства и угодничества. Необходимо сполна использовать для борьбы с этими явлениями авторитет общественного мнения и силу закона».

Сила закона — прелестная формулировка! — это именно те «вещественные придатки», на которые указывал Энгельс, то есть полиция, судьи, тюрьмы и даже палачи. А вот у Ленина на этот счет предельная ясность: «...при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для по-

давления, «государство», *еще необходимо*, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих... И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. ...*народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс*... Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общечеловечности, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *„отмирать“*.

Но если в СССР действуют сотни тысяч сотрудников «органов государственной безопасности», если заключенные в тюрьмах и в ГУЛАГе исчисляются миллионами, не является ли это доказательством того, что «народ» уже не «вооружен», что сам он не в состоянии подавить «меньшинство эксплуататоров», что речь идет не об «эксцессах *отдельных лиц*», а о широко распространенном социальном явлении (миллионах пьяниц, воров, хулиганов, расхитителей, стяжателей, взяточников и взяточдателей), что, следовательно, сохраняется «коренная социальная причина», то есть нищета, неудовлетворенные потребности и, мы бы добавили, глубокое разочарование и идеологическое смятение масс? Не является ли это доказательством, что не только не построен коммунизм, но что СССР еще далек от социализма?

В действительности подавляющее большинство заключенных в СССР вопреки распространенному на Западе ложному представлению это не диссиденты и не политические заключенные, а просто уголовники, которых в народе обычно называют «зэками». Однако наличие таких многочисленных и жалких низов общества свидетельствует, как отмечал Ленин, о глубокой социальной болезни, о глубоких социальных

противоречиях, несовместимых с бесклассовым социалистическим обществом. В то же время нельзя утверждать, что в 1985 г. в СССР не было политических заключенных. В тюрьмах сидели сотни людей, которые регулярно попадали туда не за шпионаж или уголовные преступления, а исключительно за то, что их произведения или даже их слова рассматривались как «клевета на Советскую власть», иными словами, за свои убеждения. Приведем один пример среди многих. Молодую поэтессу Ирину Ратушинскую, сейчас уже освобожденную, приговорили к семи годам принудительных работ и пяти годам ссылки за единственное преступление, состоявшее, согласно обвинительному заключению, в том, что она написала несколько поэм «с призывом к свержению или ослаблению Советской власти». Она, кстати, только что опубликовала замечательный рассказ («Серый цвет — цвет надежды») о своем опыте лагерной жизни, о солидарности заключенных, о долгих голодовках — рассказ, который подтверждает на свой манер, насколько изменяется СССР. Вы не ошиблись: семь лет принудительных работ за то, что она написала несколько поэм, которые сочли подрывными. И это варварство совершенно в государстве, программа единственной партии которого, принятая на XXVII съезде КПСС, утверждает, что в нем установлена и развивается подлинная демократия... идеи свободы, прав человека, достоинства личности наполнены реальным содержанием, обеспечивается единство прав и обязанностей, действуют одни законы и нормы нравственности, одна дисциплина для всех и каждого, складываются более благоприятные условия для всестороннего развития личности.

Свобода, права человека, гуманизм, всестороннее развитие личности, свобода культуры и художественного творчества, ведущие к семи годам принудительных работ за несколько поэм, содержание которых не понравилось цензору и прокурору: можно ли вообразить более разительный пример лицемерия, двуличия, двурушничества, что не может не вести ко всеобщему цинизму в советском обществе? Однако, быть может, СССР находится в состоянии гражданской войны, когда вооруженные до зубов заклятые враги «социализма», стремящиеся восстановить капитализм, используют с дьявольской ловкостью даже внешне невинные поэмы, чтобы толкнуть миллионы граждан на восстание против «Советской власти»? Может быть, это вызывает необходимость репрессий против поэтов? Вы не правы, отвечают нам гордо и опять же с обескураживающим цинизмом авторы Новой редакции Программы КПСС. Советский Союз является сегодня страной, в которой «сложился основанный на социальной справедливости, коллективизме и товарищеской взаимопомощи социалистический образ жизни», в которой «ликвидированы эксплуататорские классы» и «постепенно отпала функция [их] подавления»

(действительно, иначе почему нет больше диктатуры пролетариата?). Итак, отпала функция подавления буржуазии и ее приспешников, которые ликвидированы. Но эта функция продолжает действовать против... поэтов!

В Новой редакции Программы с пафосом уверяют нас, что в СССР ликвидирована эксплуатация человека человеком. В ней также утверждается, что давно ликвидированы и эксплуататорские классы и что они никак не могут снова появиться. Если эти утверждения соответствуют действительности — а они ей частично соответствуют, во всяком случае в той мере, чтобы исключить гипотезу гражданской войны или угрозы гражданской войны со стороны какой-либо «советской буржуазии», — то существующие и даже усиливающиеся в СССР ограничения политических и гражданских свобод вступают в очевидное противоречие с ленинской Программой партии, принятой в 1919 г. Не только дух, но и сам текст той Программы требуют отмены в СССР всех статей Уголовного кодекса, которые объявляют преступными «антисоветскую агитацию», «клевету на Советскую власть», свободное образование политических групп, статей, которые устанавливают цензуру, запрет трудящимся на свободную публикацию, которые ограничивают их свободный доступ к типографиям и средствам массовой информации без предварительного обращения в партийные инстанции, в «массовые организации» или в какой-либо государственный или надгосударственный орган.

В свете Программы РКП(б) 1919 г. заслуживает осуждения не только политическая реальность сегодняшнего Советского Союза, но и его социальная и экономическая реальность. В 1919 г. РКП(б) поставила цель установления 6-часового рабочего дня и 30-часовой рабочей недели. В 1986 г., 70 лет спустя, КПСС даже не ставит этой цели к 2000 г. в то время как в капиталистических странах многие профсоюзы требуют такого сокращения рабочей недели, что соответствует и возможностям и потребностям «новых технологий», о которых авторы Новой редакции Программы так много говорят, но не под этим социальным углом! В 1919 г. Программа РКП(б) ставила целью обеспечить не только бесплатное медицинское обслуживание, но и бесплатное распределение лекарств. Кроме того, она предполагала серию таких мер, как запрещение сверхурочной работы, бесплатное обеспечение учащихся питанием, одеждой и школьными принадлежностями, оплачиваемый 8-недельный дорожный и 8-недельный послеродовой отпуск, выплата заработной платы в полном объеме всем тем (безработным, больным, инвалидам и т. д.), кто не может нормально трудиться. В 1986 г. Программа КПСС предусматривает к 2000 г. лишь бесплатное обеспечение лекарствами детей до трехлетнего возраста. Обо всех других задачах в социальной области даже не упоминают!

В «Государстве и революции» Ленин делал упор на то, что одной из основных гарантий против возможности бюрократического вырождения власти трудящихся является оплата труда государственных служащих на уровне, не превышающем заработной платы квалифицированного рабочего. А Новая редакция Программы 1986 г. в соответствии с доброй сталинской традицией клеймит «уравниловку», представляя ее не как цель, к которой следует стремиться, а как «уклон», которого надо избежать любой ценой. До какой степени это именно так, свидетельствует тот факт, что вопрос об уничтожении общественного разделения труда при коммунизме ставится в Новой редакции Программы только в форме ликвидации ручного труда на производстве. К тому же «ручной» труд отождествляется с «тяжелым физическим трудом». А разве обслуживание компьютеров, роботов, ремонт систем автоматических станков не ручной труд? Однако общественное разделение труда, отмирание которого предвидели Маркс и Энгельс, относится к разделению функций производства и управления, иными словами, его ликвидация предполагает исчезновение бюрократии в социальном смысле слова, без которого отмирание государства не имеет никакого реального содержания. Об этом в Новой редакции Программы речь не идет, и это не случайно: трудно ожидать от бюрократии, чтобы она планировала собственное уничтожение.

Внешняя политика — продолжение внутренней политики. Если советская бюрократия открыто отказывается от программы мировой пролетарской революции в пользу мирного сосуществования с империализмом, то это не в силу своего «ревизионизма», не потому, что она ошибается, строит иллюзии и т. п. Это потому, что защита ее особых социальных интересов толкает ее на этот путь. «Ревизионизм» — это следствие, а не причина социального положения бюрократии, ее материальных привилегий и обеспечивающей их монополии политической власти. Впрочем, самое яркое различие между Программами 1919 и 1986 гг. просматривается именно в области международной политики. Программа 1919 г. провозглашает: «Только пролетарская, коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. ...победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах». В Новой редакции Программы слова «мировая революция» и «пролетарская революция» даже не упоминаются. Весь ее международный раздел сосредоточен на четырех темах: укрепление единства «социалистического лагеря», сосуществование и мирное соревнование с «империалистическим лагерем», «укрепление отношений с освободившимися стра-

нами» (то есть с буржуазией стран так называемого третьего мира), братское сотрудничество с коммунистическими партиями «несоциалистических стран», даже если с ними есть разногласия. Подмена международной пролетарской классовой борьбы как двигателя исторического прогресса борьбой за единство «лагеря», разумеется, не случайна. Когда откажутся от всяких революционных перспектив в империалистических и полуиндустриальных странах, когда на мировой пролетариат не смотрят больше как на главную революционную силу, не остается другого прибежища, кроме «социалистического лагеря», будь то для «борьбы за мир» или для решения проблем «третьего мира». Решение проблем передовых капиталистических стран путем свержения капитализма уже даже не предполагается.

Если с Программой 1919 г. разрыв полный, то даже по сравнению с Программой 1961 г. налицо отчетливые изменения. Эта Программа в рамках общей идеологии «социалистического лагеря» еще выдвигала две идеи, которые несколько смягчали тенденцию к ликвидации «международного коммунистического движения»: идею борьбы между двумя мировыми системами (теперь «борьба» заменена «соревнованием») и идею «некапиталистического пути развития» для стран «третьего мира». Конечно, это скромный и утопический суррогат перспективы мировой революции. «Некапиталистический путь развития» плачевно провалился в таких странах, как Индия, Египет и т. д., которые особо отмечались в Программе 1961 г. Тем не менее перспектива ликвидации капитализма еще туманно витала в хрущевской риторике. Горбачев, будучи реалистом, бесповоротно от нее отказывается. Поскольку с капитализмом сохраняется лишь экономическое соревнование, которое уже даже не обещают выиграть в обозримом будущем, вся эта идеология подразумевает сохранение капитализма. Прелестная «коммунистическая программа», предполагающая, что капитализм будет существовать бесконечно! В таких условиях нет ничего удивительного, что будущее международного коммунистического движения видится не в розовом свете. Если эти избитые формулы назвать своими именами, можно сделать вывод, что, несмотря на пресловутый «ядерный паритет», который так превозносится в Новой редакции Программы, в 1986 г. Кремль чувствует себя более слабым по сравнению с капитализмом, чем в 1961 г. Это объясняется технологическим отставанием СССР, сельскохозяйственным кризисом с вытекающей из него зависимостью от поставок зерна из капиталистических стран.

Самое плачевное в Новой редакции Программы КПСС — отсутствие в ней какой-либо глобальной исторической перспективы. Наряду с задачей уничтожения всех ядерных вооружений, что неосуществимо в СССР, взятом отдельно, постав-

лена единственная реальная и конкретная цель — обеспечение к 2000 г. каждой советской семьи отдельным жильем, и, хотя она, вне всякого сомнения, положительно воспринимается в обществе, все еще глубоко отмеченном дефицитом в области качественного потребления — каким является советское общество, — это цель сама по себе не может удовлетворить жажду идеала и справедливости со стороны молодежи во всем мире, начиная с советской молодежи. Вместе с тем советское общество сегодня — одно из самых развитых в культурном отношении обществ в мире. То же можно сказать о его технологическом потенциале. На этом фоне серость новой Программы производит особенно тяжкое и гнетущее впечатление. В ней нет ничего, что могло бы вдохновить фантазию, как, например, сокращенный наполовину рабочий день, бесплатное пользование предметами первой необходимости, всеобщее высшее образование, окончательное устранение голода в «третьем мире», победа над раком и другими опасными болезнями, участие всех трудящихся поочередно в советах управления предприятиями, участие всех граждан в работе местных Советов, предоставление женщинам 50% мест во всех органах управления социальными вопросами, упразднение политической полиции. Этот список можно продолжить. Отказ от всех этих классических целей социализма — не говоря уже о коммунизме — в Новой редакции Программы КПСС является результатом не только большего реализма Горбачева, которому хорошо известно, что при нынешнем строе большинство этих целей недостижимо до 2000 г. и даже позднее. Дело прежде всего в невозможности достичь большинства этих целей, взятых вместе, а не по отдельности. Постановка хотя бы нескольких из них уже была бы приемлемым источником вдохновения для трудящихся и для молодежи, источником ускорения социального развития. Истинное препятствие для реалистичной постановки некоторых из этих целей состоит не в относительной бедности советского общества и, конечно же, не во враждебном капиталистическом окружении. Это препятствие состоит в материальных интересах и в монополии власти бюрократии. Далее, тот факт, что эти цели, взятые вместе, неосуществимы в СССР, взятом отдельно как он есть, означает, другими словами, что социализм неосуществим в одной стране. Но где сказано, что мир и СССР должны оставаться такими, какие они есть сегодня? Во внешнем реализме Горбачева подспудно присутствует глубоко консервативное видение мировой действительности, в точности соответствующее социальному и идеологическому консерватизму советской бюрократии, но отнюдь не реальной динамике мира, в котором мы живем.

Революционное видение мира, вдохновлявшее авторов коммунистической Программы 1919 г., было бесконечно бо-

лее реалистичным. Оно основывалось на глубоких противоречиях, раздирающих капиталистический способ производства и буржуазное общество, которые уже миновали этап наивысшего расцвета. Оно сознавало, что в этих противоречиях заложена тенденция к периодическим взрывным кризисам. Оно опиралось на понимание неизбежности революций и контрреволюций в результате этой тенденции. В милитаризме и войнах оно видело неизбежное следствие этой самой тенденции. Весь этот анализ, тесно связанный с реальной историей XX в., приводит к стратегической ориентации на мировую революцию. А выполнение в качестве цели этой революции насущных задач выживания и развития всего человечества являет собой немаловажную мобилизующую силу.

Однако «новое мышление», «интернационализация» и «углубление мирного сосуществования», вдохновляющие доктрину Горбачева, исходят как раз из отрицания взрывоопасного в характере капиталистических противоречий. Это становится очевидным из слов проректора Академии общественных наук при ЦК КПСС Ивана Антоновича о том, что в признаках современной эпохи обращают на себя внимание способность капитализма к продлению своего исторического существования и отсутствие заметного прогресса в рабочем движении развитых стран Западной Европы и США. Но когда такой прогресс становится возможным благодаря мощным взрывам борьбы рабочего класса (май 1968 г. во Франции, «горячая осень» 1969 г. в Италии, португальская революция, всеобщие региональные забастовки против франкистского режима в Испании в 70-х годах, если ограничиться этими наиболее свежими примерами), сталинские, послесталинские и догорбачевские неореформисты делают невозможное, лишь бы не дать этой борьбе выйти за рамки капиталистического строя и буржуазно-демократического государства, то есть лишь бы сорвать ее. Ими руководила не столько псевдонаучная уверенность в невозможности революций, сколько консервативная доктрина о вредном характере революций, которую полностью разделяют сторонники Горбачева.

Вот квинтэссенция консервативной идеологии бюрократии. Ни коммунистических целей, ни кризиса, ведущего к краху капитализма, ни воодушевляющих перспектив для молодежи. В таких условиях моральный кризис не может быть преодолен.

**Коммунистическая этика,
материальная заинтересованность и социалистическая
демократия**

Заполнить эту пустоту смогут не туманные идеалистически-утопические заклинания «нового мышления», предлагаю-

щие решить в сотрудничестве с капитализмом — и под эгидой капитализма — такие проблемы, как экономическая отсталость. Во вводных замечаниях к статье А. Аганбегяна профессор Теодор Шанин утверждает: «В советских дискуссиях поражает мощный нравственный заряд, полемика обычно касается таких понятий, как справедливость, лучшее общество, более гуманные люди, важность правды... Такое впечатление, будто вернулись времена 1903—1907 и 1917—1927 гг., но с более острым осознанием опасностей и большей информированностью благодаря горечи, основанной на опыте... В сущности, без этой особенной этической стороны, без этих мужчин и женщин, готовых пренебречь будничными трудностями и карьеристскими устремлениями, эта знаменательная попытка преобразования зрелого общества и тем самым всего мира будет обречена на провал». В этом нет сомнения. В то же время 200 лет опыта повсеместной рыночной экономики показывают, вне всякого сомнения, что такой нравственный подъем и такое пренебрежение не могут основываться на лозунге «Обогащайтесь!», на призывах к частной материальной заинтересованности, на отсутствии благородных и воодушевляющих целей, проверенных практикой. Этого Горбачев и горбачевизм не могут предложить. Социализм во всех его вариантах — марксизм, ленинизм, троцкизм, большевизм, идеи Коминтерна — смог вызвать энтузиазм, дать стимул и привести в движение миллионы людей в России и в мире именно потому, что были искренне предложены эти цели.

«Новое мышление» заключает в себе к тому же новое и взрывоопасное идеологическое противоречие. Оно постоянно призывает к «общечеловеческим ценностям», которые должны иметь приоритет над догматическим видением мира, то есть над теорией классовой борьбы (см., например, высказывания главного горбачевского идеолога А. Яковлева в «Цайт» от 6 января 1989 г.). Но, едва провозгласив эти благородные человеческие ценности, в том же хвалебном тоне начинают воспевать преимущества лозунга «Обогащайтесь!», который не только не сближает «всех мужчин и всех женщин», независимо от их классовой принадлежности, но, напротив, жестоко противопоставляет их друг другу, то есть вызывает размежевание и безжалостную социальную борьбу. Примирить то и другое — значит решить задачу квадратуры круга. Хуже того, «интернационализация» в сочетании со страстью к наживе воскрешает самый пещерный национализм, в частности по отношению к рабочим-иммигрантам. Сама «Правда» признала это 14 декабря 1988 г., говоря о судьбе вьетнамских рабочих в СССР. Премьер-министр Польши Раковский оправдывал это противоречие, ссылаясь на известные слова драматурга-коммуниста Бертольда Брехта: «Сначала жратва, затем мораль» (таков заголовок его интервью в еженедель-

нике «Цайт» 16 декабря 1988 г.). Не говоря уже о том, что Брехт применял эту формулу (впрочем, недиалектическую и недейственную) к классовому обществу, а не к периоду построения социализма и тем более не к социалистическому обществу, сразу встают вопросы: к чему эта самая коммунистическая этика? К чему эти самые «общечеловеческие ценности»? Если те, кто больше получают и имеют больше власти, к тому же и больше едят, то по какому праву они вызывают к «моральным ценностям» с целью помешать эксплуатируемым и угнетенным бороться за то, чтобы и у них было больше еды, бороться, в частности, дестабилизируя власть угнетателей?

Фидель Кастро — единственный коммунистический лидер, до сих пор открыто выступающий против этого морально-идеологического отступления. Это, конечно, положительный факт. Он прав, утверждая, что никакой экономический механизм сам по себе не гарантирует построения социализма. Но в его полемике по этому поводу есть четыре изъяна. Прежде всего, отождествляя рыночные механизмы, которые, кстати, остаются вполне реальными и на Кубе, с «капиталистическими методами», он заходит в политический и теоретический тупик. Применение этих механизмов в переходный период неизбежно (можно ли считать Ленина сторонником «капиталистических методов» на том основании, что он выступал за НЭП?). Проблема заключается в их размахе и в их долгосрочной динамике, а не в необходимости их применения в некоторых рамках и с некоторыми ограничениями. Далее, противопоставляя им добровольный труд, он защищает утопию. В условиях широкого дефицита невозможно решить какую бы то ни было фундаментальную экономическую проблему на основе метода, который может достаточно долго применяться только меньшинством убежденных пролетариев-коммунистов (и то с сомнительной эффективностью). Впрочем, разве на Кубе нет неравенства доходов и явных бюрократических привилегий, включая спецмагазины для высших чиновников и армейских офицеров? Это противоречит учению Маркса и Ленина. Надо ли их упразднить? ограничить? сохранить? Кто выбирает директоров предприятий? государство, партия? сами трудящиеся? Затем, он отстаивает отождествление государства и партии, что препятствует последовательному применению принципа пролетарского интернационализма. Государственные интересы и необходимость проведения дипломатических операций входят в противоречие с выработкой политической линии, соответствующей интересам трудящихся масс всех частей света, включая Латинскую Америку. Наконец, и главное, выступая против гласности, подчеркивая необходимость «единства партии» и защиты «авторитета партии» как основных принципов построения социализма, он сам

себе мешает понять политические истоки власти и привилегий бюрократии и определить средства борьбы с опасностью бюрократического вырождения.

Рабочий класс не однороден ни по своему социальному составу (и, следовательно, по интересам каждой его прослойки), ни по опыту борьбы (и, следовательно, по уровню классового сознания). Этой разнородности соответствует неизбежная политическая дифференциация. Проблемы, возникающие в ходе построения социализма, и противоречия, присущие переходному периоду, вызывают, кроме того, неизбежную дифференциацию предлагаемых политических решений даже в самом коммунистическом авангарде. Поскольку никто не обладает монополией на истину, самые свободные дискуссии как в партии, так и в органах народной власти не только полезны, но и необходимы, чтобы максимально избежать ошибок и исправить их как можно быстрее и с наименьшими потерями. Любое подавление таких дискуссий во имя «единства партии» и поддержания «авторитета партии» фатально ведет ко все более серьезным политическим ошибкам, все сильнее подрывающим именно единство и авторитет партии. Оно также неизбежно ведет к различным формам ограничения прав и видам репрессии не только по отношению к буржуазии, но и по отношению к трудящимся массам и политическим течениям рабочей, социалистической и коммунистической направленности, не согласным с линией руководства. Так сосредоточивается монополия центральной власти незначительного меньшинства, что в самой высокой степени способствует бюрократизации и выливается в прочные экономические привилегии, которые лишают всякого доверия пропаганду коммунистической этики в глазах широких масс.

Не может быть эффективного коммунистического воспитания без борьбы против бюрократизации, без социалистической демократии, без самой широкой свободы дискуссий, то есть без гласности, доведенной до конца. Не может быть продвижения к социализму без рабочей и народной власти, законенной свободно избранными Советами, без права на существование тенденций и фракций в партии, без свободы образования политических организаций и партий беспартийными трудящимися: таков урок истории и таково содержание теории Маркса. Такой урок мы прежде всего должны извлечь из трагического опыта сталинизма с его вереницей преступлений.

Эрнест Мандель

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ*

XIX Всесоюзная конференция КПСС отразила политическую ситуацию в СССР. Она заметно отличается от той розовой картинки, которую рисовали многие иностранные корреспонденты в Москве, а также целый ряд прогорбачевских идеологов на Западе. Сведя ее к формулировке, возможно, слишком смелой, но которую оправдывает ход подготовки и особенно дискуссий на конференции, можно сказать, что Горбачев в руководстве остается в меньшинстве. А это руководство, все еще всемогущее, находится в руках Лигачева и Зайкова, Горбачев же правит лишь постольку, поскольку они это допускают. Его сторонники составляли не более трети делегатов.

На конференции произошло настоящее столкновение тенденций. Большинство ораторов были сторонниками консерваторов (порой умеренными сторонниками). Почти все они были работниками аппарата. В их выступлениях повторялись затертые, но весьма показательные темы: «Надо укреплять партийную дисциплину», «Надо повышать авторитет партии», «Надо подчеркивать руководящую роль партии», «Нельзя позволять радикальным элементам использовать гласность для очернения партии и страны», «Надо давать отпор попыткам поставить под сомнение принцип однопартийности». В противоположность им выступавшие сторонники Горбачева — явное меньшинство ораторов! — отличались изобличениями некоторых особенно возмутительных сторон социальной несправедливости и защитой писателей, ученых и журналистов, подвергавшихся нападкам со стороны правых консерваторов. Наш диагноз не ведет к заключению, что Горбачев уже разбит или в значительной мере скован в осуществлении своих планов. Действительность сложнее и противоречивее.

Сами Лигачев и Зайков не являются, по всей видимости, противниками перестройки. Они озабочены тем, чтобы предотвратить углубление гласности в направлении реальной демократизации, если не общества, то по крайней мере механиз-

мов власти. Они также озабочены защитой монополии власти КПСС (точнее, аппарата КПСС) и защитой материальных привилегий номенклатуры. Лигачев и Зайков не представляют ни крайне правых националистических сил, ни даже наиболее консервативной части правых сил брежневского толка. Когда Лигачев напомнил в своем заключительном слове, что именно он, Громыко и Чебриков (председатель КГБ) выступили за избрание Горбачева Генеральным секретарем, что он испытывал тревогу, опасаясь, что Горбачева не выберут, когда он напомнил также, что именно он рекомендовал Ельцина в состав Секретариата ЦК, он тем самым не только напоминал о реальном соотношении сил в аппарате. Он говорил об этом, по-видимому, искренне. Он, вероятно, не очень далек от Горбачева в определении диагноза сотрясающего СССР серьезного кризиса. Он, несомненно, как и Горбачев, чувствует неотложную необходимость глубоких изменений. Различия касаются не определения средств и не содержания экономических предложений, а скорее оценки политических условий проведения перестройки. В этом отношении у Лигачева и его группы все больше складывается впечатление, что Горбачев играет в ученика чародея, как это делали Дубчек, Смирновский и их группа во время «Пражской весны».

Кроме того, Горбачев и его сторонники ни в коей мере не представляют левого крыла в сегодняшней расстановке политических сил в СССР. Заботы и серьезное беспокойство левых сил на XIX партийной конференции выразил Ельцин. Горбачев и его команда представляют левоцентристские силы. Сам он в них занимает среднюю позицию. Его тенденция любой ценой цепляться за позиции большинства, его стремление любой ценой избежать публичного конфликта между членами Политбюро, его пристрастие к маневрированию и скрытности — все это склоняет его к достижению компромиссов по самым спорным вопросам. Впрочем, невозможно отделаться от впечатления, что эти компромиссы начинают его раздражать. Он хорошо понимает их конечный результат: замкнутый круг застоя. Отсюда тот довольно неожиданный поворот, который он попытался придать новому этапу демократизации политических институтов. Его предложения сопровождались утверждением, что необходимо четко разграничить функции государственных и партийных органов, что необходимо снять с партийных руководителей более или менее прямую ответственность за контроль или управление экономикой и дать им возможность больше заниматься политическими вопросами. Но они же вылились в проект усиления роли главы государства, являющегося одновременно руководителем партии, проект, подогнанный под личность Горбачева. Следовательно, речь уже идет о совмещении вла-

* *Ernest Mandel. Ou va l'URSS de Gorbatchev? Paris, 1989, p. 317—322.*

сти наверху, а не о ее разделении. Одновременно предусматривается лишить функцию главы государства ее в значительной степени декоративного и церемониального характера и придать ей содержание, не очень отличающееся от роли президента V Французской республики. Во всяком, случае это застрахует Горбачева от «дворцового переворота», сместившего Хрущева. Передовым сторонникам Горбачева приписывали дополнительный проект организовать избрание главы государства всеобщим голосованием. Это еще больше усилило бы бонапартистский, популистский аспект операции.

Однако если план радикальных сторонников Горбачева действительно был таковым, бегство вперед удалось лишь частично. Лигачеву и его помощникам, главным образом благодаря колоссальным возможностям для маневрирования, удалось в значительной мере обезвредить бомбу. Глава государства будет избираться не прямым всеобщим голосованием, а «маленьким» подпарламентом, состоящим почти исключительно из членов номенклатуры. Продemonстрировав значительное искусство маневрирования, Лигачев — хитрость и ловкость которого многие явно недооценивали — в последний момент вынудил Горбачева внести предложение о совмещении должностей председателей исполкомов и первых секретарей партии на всех уровнях. Это означает не только отказ от четкого разделения функций государства и партии на высших уровнях. Это главным образом означает очередной циничный отход от священного принципа выборности на все государственные должности. В самом деле, поскольку на всех уровнях всего один первый секретарь партийной организации, остается единственный кандидат на должность председателя исполкома. Прекрасный и столь бюрократический способ обеспечения «руководящей роли партии» таким чисто механическим и административным путем с полным выхолащиванием политико-идеологического содержания. Вместо того, чтобы убеждать избирателей, попытаться оказать на них политическое влияние, им навязывают председателя исполкома, не зависящего от их выбора. В довершение всего некоторые высокопоставленные бюрократы с редким высокомерием людей, привыкших к бесконтрольной власти, утверждали, что эта нелепая процедура имеет целью... повышение авторитета Советов путем переноса на них авторитета партийных руководителей. Выявленная благодаря гласности огромная потеря авторитета партии перечеркнута движением руки.

Впрочем, один из самых критически настроенных ораторов на конференции — Айдак, председатель колхоза, — поставил вопрос ребром: он утверждал, что партия восстановит свой авторитет только в том случае, если она откажется от всех своих привилегий. А первый секретарь Коми обкома КПСС Мельников потребовал устранения из руководства пар-

тии всех, кто находился на руководящих постах в эпоху Брежнева. В то же время нельзя не сказать, что этот вопрос вызвал настоящий спор, что делегаты подвергли сомнению обоснованность этого предложения, что широко обсуждался даже вопрос о выделении не только советским республикам, но и местным и областным Советам собственных финансовых средств (без которых «автономия» и «власть» носят чисто формальный характер, то есть без которых их практически нет). Это лишний раз побуждает к осторожности в оценке реальности демократизации и гласности. Было бы абсурдно утверждать, что ничего не изменилось. Это были не дискуссии для «забавы публики». Это были многочисленные проявления процесса (ре)политизации народных масс. Эти проявления были тревожными для номенклатуры в целом, которая относится к ним со все большим недовольством. В этом состоит реальное содержание противоборства Лигачева и Горбачева. И все же то, как эти дискуссии ограничиваются и сдерживаются и, главное, чем они заканчиваются, подтверждает, что речь идет о частичной начальной демократизации, контролируемой сверху. До демократической власти трудящихся (народа) еще далеко. Пока сохраняется режим бюрократической диктатуры, но с уже ограниченными проявлениями произвола. В лучшем случае это можно сравнить с либеральной империей последних лет правления Наполеона III.

В этих условиях успех Горбачева далеко не обеспечен, хотя и нельзя говорить о его неизбежном поражении и тем более падении. Ему необходимо выиграть время по двум направлениям. Горбачев удержится только в том случае, если перестройка принесет ощутимые результаты как в области ускорения экономического роста, так и в области повышения уровня жизни масс. Пока же происходит обратное. Горбачев удержится только в том случае, если политическая деятельность масс примет такой размах, что либо его противники в аппарате сочтут его меньшим злом («пусть лучше свой чело-век проведет радикальные реформы, чем произойдет подлинная революция снизу, которая уже маячит на горизонте»), либо они будут сметены действиями масс. В этом смысле XIX конференция, как и события в Армении дали ему некоторую передышку, хотя и явились тактическим поражением. Борьба за выигрыш времени уже началась, но она продлится, по-видимому, несколько лет. А знаменитый «государственный мини-переворот» 30 сентября 1988 г. (изменение состава Политбюро, избрание Горбачева главой государства вместо Громыко), значение которого на Западе сильно преувеличивали, по сути, не изменил этого положения вещей. Об этом свидетельствует состав списка из ста делегатов, выдвинутых Центральным Комитетом на выборах в Верховный Совет в марте 1989 г.

Перед лицом маневров хитрых политиканов, прибегающих иногда к эзоповскому и даже чисто византийскому языку, несмотря на бесчисленные ссылки на «открытость», более откровенные и искренние передовые сторонники Горбачева мужественно переносят неудачу, демонстрируя показной оптимизм в отношении итогов XIX конференции. Некоторые из них, однако, не скрывают своей озабоченности. Это проявлялось еще до открытия конференции, когда был подготовлен сборник статей ведущих сотрудников «Московских новостей». Этот сборник предназначался для конференции, но вышел уже после ее закрытия. Он предназначался для массового распространения (сам еженедельник выходит тиражом несколько сотен тысяч экземпляров на русском языке), но его тираж был ограничен 50 тысячами экземпляров. Радикальные сторонники горбачевских реформ поставили вопрос: будет ли отменена гласность? Профессор Афанасьев привел слова заместителя главного редактора одной газеты, который на вопрос «Почему вы не встаете более четко на сторону ваших журналистов?», тяжело вздохнув, ответил: «Я не хочу умереть вместе с ними». Если в некоторых кругах страх репрессий исчез совсем или по крайней мере не парализует больше гражданское мужество и социалистическое сознание, то во многих других кругах он еще совершенно определенно сохраняется. Грубые нападки, которым подверглись некоторые смелые журналисты и писатели в выступлениях многих ораторов на XIX конференции, а затем в декабре 1988 г. и январе 1989 г., не способствовали, разумеется, успокоению этих страхов.

Одной из важных черт подготовки к XIX партийной конференции было участие рабочих в политических дискуссиях. Ничего подобного в СССР не происходило с установления сталинской диктатуры. Это лишний раз доказывает, насколько абсурдны утверждения, что в этой стране ничего не изменилось с начала эры Горбачева. Конечно, это участие было крайне ограниченным и проявлялось лишь в некоторых крупных промышленных центрах, да и то на отдельных предприятиях (правда, из наиболее крупных в стране). Советский рабочий класс возвращается издали после десятилетий раздробленности и деполитизации. Тем не менее само это участие рабочих в политических дискуссиях, когда они самостоятельно выдвигают свои требования и защищают свои собственные интересы, следует оценить по достоинству и тщательно изучить, поскольку оно является показателем уровня сознания и потенциальных возможностей авангарда пролетариата.

Рональд Дж. Хилл

ГОРБАЧЕВ И КПСС*

К тому времени, когда Горбачев получил в наследство КПСС, ее роль в советском обществе подверглась некоторым изменениям, но ее положение в качестве центрального элемента советской системы, казалось, укрепилось. При Горбачеве приток в партию уменьшился, но доля рабочего класса, женщин и наиболее образованных слоев населения продолжала увеличиваться. Последние изменения в Уставе, Программе и в составе центрального руководства партии не затушевывали морального кризиса и значительных политических разногласий на высших уровнях. Курс Горбачева на «демократизацию» — в случае успеха его политики — может привести к разрешению этих трудностей путем придания партии значения форума, открытого для политических дебатов, и источника «руководства», а не прямой контролирующей роли.

Когда Михаил Горбачев был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС в марте 1985 г., он стал, как это общепринято, «руководителем» Советского Союза. В качестве главы КПСС — центрального института Советского Союза — он немедленно был признан самым могущественным человеком в коммунистическом лагере и второй по значению персоной в мире после президента Соединенных Штатов. Он возглавил организацию, объединяющую более 19 млн. членов и кандидатов в члены партии, организованную в сложную и мощную общественную структуру, переплетенную с государственными учреждениями и другими организациями, которыми она управляет, благодаря занимающим там руководящие посты коммунистам — номенклатурная система кадровых назначений, — принципу «демократического централизма» и другим политическим процедурам и правилам, разработанным, чтобы гарантировать гегемонию КПСС.

Наследие, полученное Горбачевым

Горбачев унаследовал от своего предшественника Константина Черненко партийную организацию и аппарат, кото-

*Ronald J. Hill. Gorbachev and CPSU. — In: „The Journal of Communist Studies”, Vol. 4, № 4, 1988, London, p. 18—34.

рые претерпели определенные изменения. Эти изменения коснулись как самой их природы, так и их роли в советском обществе. Однако в то же время партия развила определенные традиции и, по сути, укрепила свое положение в качестве центрального элемента советской системы. Подпольная организация так называемых профессиональных революционеров, действовавшая в первое десятилетие века, с захватом власти в октябре 1917 г. стала правящей партией, которая контролировала новое государство, возглавляемое его признанным лидером Лениным. Последний занимал пост руководителя страны, но не имел формальной партийной должности. В ранний послереволюционный период партия преуспела в организации серьезных дискуссий и дебатов среди членов высшего партийного руководства, в то время как в ее низших структурах в течение многих лет царил хаос.

При Сталине в 30—40 годах целостность партии была жестоко подорвана. При преемниках Сталина, Хрущеве и Брежневе, судьба КПСС и ее партийных работников коренным образом изменилась. Летом 1957 г. произошел кризис, обозначенный появлением «антипартийной группировки» — открытое размежевание между Хрущевым и его оппонентами, в результате которого партийной оппозицией были объявлены именно они — прямое следствие самой системы, — а не Первый секретарь с его планами подорвать власть государственной бюрократии путем упразднения центральных министерств. Приоритет партии над государством был укреплен, когда в сентябре 1957 г. партийный руководитель занял пост главы государства.

В течение 18-летнего правления Брежнева центральное положение партии окрепло и еще более утвердилось, и к декабрю 1982 г. стало ясно то, что еще не было ясно в октябре 1964 г.: партийный руководитель — это лидер, и лидер более влиятельный, чем первый среди равных. Центральное место партии в общественной системе было закреплено в 6-й статье Конституции СССР 1977 г.

Кроме того, при руководстве Хрущева и Брежнева КПСС стала более деятельной в вопросах внутрипартийной жизни. При том же Брежневе партийным должностным лицам стали гораздо больше доверять, что повлекло за собой угодничество и коррупцию — одно из самых негативных явлений брежневского наследия, переданного им своим преемникам.

Тем не менее положение партии как общественного учреждения укрепилось. Число ее членов составило 19 млн. человек — то есть 10% всего взрослого населения, включая большое число работников, находящихся на ответственных руководящих постах. Если к этому числу добавить членов семей партийных работников, то становится ясно, что очень значительная часть советского общества охвачена таким фе-

номеном, как принадлежность к партии, причем от членства в партии зависит служебное положение и дальнейшее продвижение по административной лестнице.

Более того, КПСС выросла во влиятельную экономическую силу, владельца значительной собственности — включающей транспорт, техническое оборудование — и крупного нанимателя (прямо или косвенно) рабочей силы. Как собственник издательств и типографий, приносящих значительный доход, и получатель членских взносов, взимаемых в соответствии с заработной платой, КПСС обладает оборотом в миллионы рублей в год, не говоря уже о субсидиях, которые она может получить у государства.

Состав партии

Горбачев унаследовал огромную армию членов партии, организованную в сложную административную структуру и гораздо менее послушную контролю со стороны центра, чем в более ранние периоды советской истории. Приток в партию новых членов круто замедлился в конце 60-х годов и в последующее десятилетие после резкого скачка при Хрущеве, и все же тенденция к количественному росту партии сохранялась. Партия росла в конце 70-х годов на 2% в год, несмотря на небольшую чистку в первой половине этого десятилетия. Кроме того, если мыслить социологическими категориями, члены партии, унаследованные Горбачевым, резко отличались от партийцев эры популиста Хрущева. Это свидетельствует о том, что КПСС сегодня превратилась в совсем иную организацию и действует она в совсем ином обществе, чем и предопределяется та роль, которую ей предстоит сыграть в эпоху Горбачева, и сам стиль партийной деятельности.

Партийная статистика, опубликованная в период руководства Горбачева, вскрывает определенные тенденции, которые будут сказываться в течение длительного времени. Первая из них — уменьшение притока новых членов, что в период после смерти Брежнева свидетельствовало о продолжающейся тенденции к снижению. Эта тенденция началась в 1978 г. после пика роста в 2,28% — рекордного за предыдущие 12 месяцев и наступившего после периода партийной чистки. При Горбачеве ежегодный прирост упал на 1,38% в 1987 г. по сравнению с 1986 г. — тот же показатель, что и в 1974 г., когда партия закончила обмен партийных билетов.

Эта тенденция подтверждается и рядом других показателей, в том числе снижением в партии процента кандидатов. Вместе с тем репролетаризация партии, начавшаяся при Хрущеве, продолжается. Сохраняется долговременная тенденция к повышению образовательного уровня членов партии.

Эти тенденции, большинство из которых наметилось уже в эпоху Брежнева и отражают социальные изменения в советском обществе в целом, ставят тем не менее перед партией на рубеже столетий определенные проблемы чистоты ее состава. Признавая тенденцию к репролетаризации, необходимо в то же время отметить, что этот термин сегодня не означает того, что он мог означать полвека назад, поскольку рабочие, которые приходят сегодня на производство, по уровню своей подготовки, по характеру выполняемой ими работы и отрасли, в которой они трудятся, стоят ближе к работникам с техническим образованием.

Дилемма состава партийных рядов, которая стала актуальной еще в брежневскую эпоху, не может быть оставлена без внимания и ставит на повестку дня необходимость выработки критериев отбора. Стремясь создать и сохранить одновременно атрибуты рабочей партии, всенародной партии, правящей партии, партии как механизма поддержания дисциплины и контроля и как инструмента вознаграждения, партии—авангарда, руководители КПСС стоят перед проблемой конкурсного отбора, поскольку они вырабатывают программу набора и расширения рядов самой крупной, самой весомой и самой престижной (в представлении официальных кругов) организации в стране.

Программа и Устав

Горбачев унаследовал от своих предшественников, прежде всего от Хрущева, партийную Программу, которая была на редкость нереальной. Было настолько ясно, что наиболее оптимистические и экстравагантные обещания об уровне экономического благосостояния советского народа следует исключить из Программы, что некоторые члены партии предлагали не создавать Новой редакции 3-й Программы, а выработать проект 4-й. Причем, не только экономический прогресс на пути построения коммунизма, но также политический прогресс не получил четких формулировок.

Устав также был частично изменен, с тем чтобы повысить ответственность рядовых и руководящих членов партии. Однако новые Устав и Программа мало что дали для того, чтобы укрепить возможности партийного руководителя-реформатора при осуществлении определенных перемен в социально-политической сфере в тех условиях, в которых действует партия. Назрел вопрос о дальнейших изменениях в Уставе.

Центральные органы партии

В дополнение к уже проведенной ревизии Программы и Устава Горбачев также был поставлен перед необходимо-

стью произвести изменения в составе партийного аппарата, начиная сверху — с коллег по Политбюро и Секретариату — и кончая нижними звеньями партийной иерархии.

Что касается центральных органов — Политбюро и Секретариата,—Горбачев действовал быстро и ловко, устраняя противников и лиц, оставшихся от эпохи Брежнева, изолируя сторонников, уже сослуживших свою службу, и продвигая единомышленников на ответственные посты. Реорганизация в высших эшелонах продолжается не всегда так, как того хочется Горбачеву. Отставка Ельцина в ноябре 1987 г. расценивалась, как его крупнейший политический провал; впрочем, несмотря на это, в начале лета 1988 г. он устоял в штормовых условиях, продемонстрировав замечательное искусство политика. Несмотря на наличие многих свидетельств разногласий среди коллег Горбачева по Политбюро по поводу темпов и даже направлений проводимых преобразований, он фактически провел чистку в Секретариате — органе, который отвечает за проверку исполнения политических решений и поэтому является решающей силой ведомства Генерального секретаря. И действительно, учитывая отсутствие в Москве в течение продолжительного времени нескольких членов Политбюро и занятость другими своими основными обязанностями в качестве министров или секретарей региональных партийных организаций, эффективная поддержка большинства в Секретариате могла бы значить больше для достижения окончательной победы, чем поддержка Политбюро.

Эти кадровые изменения с их очевидным влиянием на развитие политической власти в системе привели также к социологическим изменениям в советском руководстве. Идет процесс омоложения состава — стало уже невозможно характеризовать советское руководство как собрание больных и пожилых людей.

Партийная этика

Очень скоро, однако, обнаружилось, что перед Горбачевым в партии стоит не только задача расстановки своих сторонников на влиятельные и ответственные посты. Стало очевидным, что в последние годы правления Брежнева весь правящий аппарат, включая партийные и государственные органы, погряз в таких грехах, как угодничество и коррупция. Особенно остро эта проблема встала в отдельных районах Средней Азии, Молдавии и даже в самой столице — Москве. Сообщения об этих фактах прозвучали на партийных съездах соответствующих республик, в речах на XXVII съезде КПСС и на других форумах. Помимо выступления отдельных членов Политбюро, председатель Центральной Ревизионной

Комиссии КПСС в своем докладе съезду указал еще на одну сторону проблемы. Периодически, от съезда к съезду, он докладывал о случаях, когда членские взносы собирались партийными секретарями, но не отчислялись на счет партии в сберегательный банк. По каждому факту он приводил в качестве примера сумму неуплаченных денег. Во многих партийных организациях, по всей видимости, годами не проводилось ревизий их финансовых отчетностей. Очевидно, членам партии и работникам партийных организаций на местах удавалось оплачивать свои личные расходы за счет партийных средств.

Неудивительно, что, располагая всеми этими данными и рядом других свидетельств, Горбачев в своей заключительной речи на съезде партии в марте 1986 г. выразил обеспокоенность моральным состоянием КПСС и стабильностью самой системы, процитировав слова Ленина о революционных партиях, которые «гибли». Возникло ясное впечатление, что эта организация потеряла свое направление, и такое чувство, что новое поколение лидеров придет не очень-то скоро. КПСС превратилась в партию карьеристов, которые разжирили от самодовольства, делают все возможное, чтобы использовать ситуацию в личных целях, и ищут благосклонности вышестоящих лиц, расшаркиваясь перед ними в их вотчинах вдали от любопытных глаз политического центра, хотя некоторые из этих вотчин находились в географической близости от Москвы. Горбачев неоднократно давал понять, что такие люди не имеют ничего общего с «профессиональными революционерами», создавшими партию в ленинские дни, и от имени Центрального Комитета предложил новый лозунг, характеризующий облик члена партии—чистый и честный,—пообещав, что партия и впредь будет очищать свои ряды от всех, кто компрометирует звание коммуниста.

Политические разногласия

После навевающих сны съездов «правоверных», характерных для брежневских времен, первый партийный съезд Горбачева был самым интересным событием такого рода с 1961 г. Съезд 1986 г. проходил во время новой кампании за «гласность», которая вызвала в прессе сенсационные сообщения о фактах угодничества и коррупции, характеризующих партию и ее бюрократический аппарат. Самый известный пример таких публикаций — статья под названием «Очищение», опубликованная в «Правде» за несколько дней до открытия съезда. В других публикациях тоже, и в гораздо более резкой форме, чем в «Правде», настаивалось на том, чтобы расширить рамки открыто обсуждаемых в советском об-

ществе тем. Это привело к разногласиям на съезде между теми, кто, как Горбачев, мог оправдать политику открытой и резкой критики недостатков, и теми, кто, как Лигачев, был гораздо более осторожен (и консервативен), подвергая критике даже редакторов «Правды» и других средств массовой информации за допущенные «срывы» — освещение слишком отрицательных точек зрения и идей. Это служило одним из самых ярких показателей того, что КПСС не является монолитно спаянным организмом и на уровне партийного руководства. К мысли об острой необходимости перемен, вероятно, пришли все, но наблюдались явные разногласия по вопросу о темпах и масштабах необходимых преобразований, о самом их характере.

Эти вопросы неоднократно прорабатывались на последующих пленумах Центрального Комитета. Осенью 1987 г. произошло острое столкновение между пылким реформатором Борисом Ельциным и его менее энергичными товарищами в Центральном Комитете. На январском Пленуме 1988 г. стало ясно, что линия Горбачева, ратующего за форму социализма, отличную от ортодоксального, сталинского, встречает решительное сопротивление внутри партии. Несогласие исходило не только от очевидного источника — аппаратчиков, стремящихся сохранить свои привилегии,—но также от совершенно изолированной группы, объединяющей честных и преданных делу партии людей, чья политическая ориентация, образование, опыт — а вернее, сам инстинкт — учили их тому, что та система, при которой они жили, и была в действительности «развитым социализмом», что основы подрывать нельзя, так как отклонение от правильного курса может привести к реставрации капитализма.

Одним из принципов традиционной модели было положение о том, что стихийное развитие общества должно быть заменено контролируемым развитием под руководством коммунистической партии. Эта модель предполагает не только плановую и командно-административную систему экономики, но также общество и саму политическую систему, которые ведут в нужном направлении и оберегают от чуждых мыслей и идей. Для людей с подобными убеждениями корень зла заложен в первоначальных экспериментах, артистически проводимых Хрущевым, после которых советское общество постепенно деградировало экономически и морально. Эти процессы, происходящие внутри партии, нашли свое отражение в обществе с появлением организаций и группировок правого толка, таких, как «Память» и «люберы», о неправомерных антидемократических действиях которых широко писала советская и западная пресса.

Самые худшие опасения нашли подтверждение в растущей волне национальной розни (события в Казахстане в де-

кабре 1986 г., в Армении и Азербайджане, выступления других национальных групп), в тенденции рабочих прибегать к забастовкам, в отчаянной решимости, с которой массы выражают свое недовольство. Поскольку партия несет полную ответственность за все, что происходит в Советском Союзе, естественно появление различных точек зрения на серьезность этих новых явлений — чуждых в том смысле, что они в течение десятилетий не были характерны для советской действительности, — на методы борьбы с ними. Для тех, кто счастлив и горд, рассматривая Советский Союз, как новый тип политической системы, кто не находит «плюрализм» особенно привлекательным, набатный колокол звонит очень громко. Трактовка термина «социалистический плюрализм» как шага вперед, предлагаемая Горбачевым, вероятно, не очень убедительна для тех, кто полагает, что именно дисциплина и напряженный труд сделали Советский Союз великим государством.

Выход — в «демократизации»

Ставя на повестку дня проблемы партии, вопрос о чистоте ее рядов, роли, которую она должна играть в обществе, Горбачев выдвигает лозунг демократизации. Он часто прибегает к нему в своих речах и в своей всемирно известной книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Какое именно значение придает этому термину Горбачев — неясно. Когда же его употребляют с другими лозунгами партии, такими, как «гласность» и «перестройка», то из этого явствует, что рядовые члены партии и работники местных партийных организаций могут быть менее осторожными в выражении своих мыслей и должны отбросить традиции почтительного отношения к старшим по должности. В июне 1987 г. Пленум ЦК постановил созвать 28 июня 1988 г. специальную партийную конференцию — первую после февраля 1941 г., — чтобы обсудить «меры по дальнейшей демократизации жизни партии и общества». В постановлении о созыве конференции сообщалось, что делегаты будут избираться в апреле на партийных конференциях путем тайного голосования.

Накануне конференции печать начала подчеркивать значение «демократизации» для всего дела перестройки. В свете дискуссий по этим вопросам стало очевидным, что партийный Устав потребует дальнейших изменений и что должны быть изданы новые центральные директивы по кадровой политике и другим вопросам, не вошедшим в Устав.

При Горбачеве КПСС вместе со всем обществом, частью которого она является, проходит через самую динамическую фазу за последние 30 лет своей 90-летней истории. По мере

того как перестройка и демократизация пробивают себе дорогу в других организациях — и особенно в самом государстве, где эксперимент с альтернативными выборами 1987 г. привел к неожиданной неспособности ряда ведущих партийных и государственных работников привлечь на свою сторону избирателей в некоторых местных избирательных округах, — взаимоотношения партии с этими организациями также претерпевают серьезные изменения. Если происходящие сегодня процессы будут идти в том же направлении, КПСС к концу столетия, видимо, будет разительно отличаться по составу, структуре и роли в обществе от той, какой она была в течение длительного периода своей послереволюционной истории.

Тем не менее необходима осторожность в интерпретации этих вопросов, так как многое из того, что происходит при Горбачеве, обсуждалось и даже осуществлялось на практике в прошлом. Риторика, безусловно, не новая, и часть этих фраз высказывалась как раз теми же руководителями, которых сегодня критикуют за их роль в создании нынешней плачевной ситуации с ее проблемами и трудностями. Следующий комментарий одного из участников дискуссии в рамках «круглого стола» на тему о демократизации хорошо показывает, о чем идет речь:

«Уже не одно поколение партийных работников говорит о необходимости в полной мере овладеть политическими методами руководства, уйти от подмены государственных, общественных и хозяйственных органов. Однако и по сей день проблема эта не только не потеряла злободневности, но, на мой взгляд, обострилась до крайности».

Подобная точка зрения не должна уводить нас от анализа различий между сегодняшними и прошлыми попытками реформации системы. Они очевидны из стремления Генерального секретаря не только говорить языком реформы, но также действовать решительно и энергично во имя претворения в жизнь коренных изменений, в которые он страстно верит. Целеустремленность Генерального секретаря и его сторонников, хотя некоторые из них, например Ельцин, несколько нетерпеливы, вступила в глубокий диссонанс с осторожностью консерваторов и враждебностью сторонников традиционной политики, создав прецедент идеологического и политического кризиса.

Партия ни в коем случае не является собственностью Горбачева, и, безусловно, Горбачев не хочет, чтобы это когда-нибудь случилось. Выдвигая ленинские лозунги, он больше всего стремится уйти от политики «кто кого», при которой решительная политическая борьба ведется до момента гибели одной или другой фракции. Если он победит, «социалисти-

ческий плюрализм» вне партии или внутри нее превратит КПСС к концу столетия в совсем другую организацию. Она займет в советском обществе положение форума для политических дебатов, а ее роль в обществе будет сводиться к подлинному руководству, а не «доминированию». Горбачев совершит такие же великие преобразования в самой природе КПСС, какие сделал Сталин.

Джефф Тримбл

И ВОТ, ПОЯВЛЯЕТСЯ МИХАИЛ ГРОЗНЫЙ*

Как раз в это время пять лет тому назад Андрей Громыко поддержал Михаила Горбачева в борьбе за пост Генерального секретаря КПСС.

Суровый министр иностранных дел, за которым укрепилась кличка «старые железные штаны», заявил одобрительно Центральному Комитету, что товарищ Горбачев «обладает не только приятной улыбкой, но и... острыми зубами». В настоящее время советские люди начинают на себе испытывать его укусы.

Нетерпеливый реформатор отмечает вехами новую, гораздо более жесткую линию при разрешении этнических вопросов и обуздании политических беспорядков. У придиричивых депутатов советского парламента, пытающихся обосновать этот курс, остаются глубокие шрамы.

Когда радикальные реформаторы подвергают сомнению необходимость поспешности в предоставлении ему больших полномочий и введении президентства на западный лад, Горбачев обвиняет их в «дешевой демагогии». При обсуждении одного из пунктов он, заимствуя это из работ Ленина, угрожал даже отказаться от выдвижения на новый пост просто для того, чтобы доказать, что у него нет диктаторских наклонностей. Большинство считает, что напыщенные фразы, произносимые человеком с покрасневшим от натуги лицом, и его решительный указующий перст выдают в нем политического мастера с которым критикам не совладать.

Тем не менее свирепость Горбачева лишь оттеняет нарастающее разочарование и необходимость перемен после пятилетних бесплодных попыток возродить находящуюся в коматозном состоянии экономику и удержать буквально разрывающуюся на части империю.

Не было сомнения в том, что Горбачев выиграет борьбу за новый пост в ходе мартовского внеочередного Съезда народных депутатов. Этот пост дает власть, аналогичную той,

* *J. Trimble. Here comes Mikhail the Terrible. — „U. S. News and World Report”, 1990, March 12, p. 38.*

что имел или имеет любой президент США: право вводить особое положение, налагать вето на решения законодательных органов и назначать высших должностных лиц. Президент СССР будет избран в ходе общенародного голосования сроком на 5 лет в 1994 г. Однако до тех пор этот пост будет занимать Горбачев, выбранный народными депутатами.

Горбачев использует тактику «взаимных выгод», при которой схема, казавшаяся несбыточной, вначале обосновывается как благожелательная, а затем становится фактом. Первоначально идея усиления исполнительной власти путем введения поста президента дебатировалась в прессе. Это обстоялось как проведение дискуссий «круглого стола», в которых участвовали «независимые» представители академических кругов. Затем в газетах появились многочисленные отклики читателей, поддерживающих эту идею. Следующим шагом кампании, проводимой Горбачевым, были публикации официальной прессы (одна из статей, помещенных в «Правде», была озаглавлена: «Стране нужен президент»), в которых сообщалось, как хорошо повсюду функционируют подобные системы, особенно в Соединенных Штатах. Наконец, Горбачев путем преодоления препятствий и барабанного боя провел свой план через законодательный орган власти, причем таким же образом, каким он на Пленуме ЦК КПСС возвестил о необходимости многопартийной политики.

Хотя Горбачев дал обет демократизировать советскую систему, его разновидность демократии необычайно тяжеловесна и становится еще более тяжеловесной. Народным депутатам был представлен на обсуждение закон о введении президентской власти лишь за день до начала дебатов, поэтому у них не осталось времени на то, чтобы обдумать контраргументы или организовать оппозиционную коалицию. Горбачев резко ограничил время обсуждения этого вопроса, однако он использовал столько времени, сколько ему было нужно, когда он давал отповедь депутатам, критиковавшим его. Затем, буквально через день, он настоял на проведении поспешного голосования о введении этого закона.

Горбачев, похоже, устал в результате длительных попыток добиться консенсуса, особенно во взрывоопасных этнических конфликтах. Недавно он послал тысячи солдат в «горячую точку» в Закавказье.

Его обещания рассмотреть закон, который предоставит республикам право на выход из Союза, приветствовали граждане республик Прибалтики, но теперь, похоже, они видят тупик. В последнем проекте предусмотрено, что право на выход может быть получено, если это одобрит парламент. Однако, если все более неторопливые прибалты все же в одностороннем порядке примут решение о выходе, это будет серьезным испытанием для новой власти.

Между тем подавления иного рода также осуществляются. КГБ начал беспрецедентную и открытую кампанию против коррупции и организованной преступности. В Харькове сотрудники КГБ разоблачили 100 коррумпированных чиновников и конфисковали у них незаконно приобретенные ценности. Это наступление, возможно, предпринято для того, чтобы успокоить общественность, негодующую по поводу роста преступности, и одновременно стереть тусклые пятна с имиджа КГБ. Это означает, что в трудные времена, которые приближаются, Горбачев будет всецело полагаться на аппарат службы внутренней безопасности, видя в нем орудие, а не объект в своих усилиях по проведению реформы в стране. Политические активисты сообщают, что КГБ играет ключевую роль в усилиях по ограничению размаха демонстраций, устраиваемых оппозиционными силами. Тщательно скоординированная кампания слухов и предупреждений привела к тому, что десятки тысяч людей остались дома и не вышли на демонстрации. Таким образом вызов Горбачеву был уменьшен.

Проводимая Горбачевым новая жесткая линия вызывает беспокойство, поскольку слишком много власти сконцентрировано в одних руках. Народный депутат Сергей Станкевич в ходе дискуссий о необходимости введения поста президента заявил: «Мы все еще ощущаем устойчивые традиции тоталитаризма, и именно поэтому торопливость неуместна». Ленинградский депутат Юрий Болдырев добавил: «Многие до сих пор находятся во власти иллюзий, что наши проблемы могут быть разрешены только усилением центральной власти». Горбачев в гневе отмел эти доводы, но многие считают, что они верны. Депутаты могут не беспокоиться относительно намерений самого Горбачева, бесспорного героя и архитектора реформ, но они опасаются, что менее просвещенный деятель, который придет ему на смену, может исказить систему президентства и легко подавить анемичную структуру сдержек и противовесов. Кроме того, ничто в новой системе не обещает быстрой стабилизации стагнирующей экономики или разрешения этнических споров и тенденций к выходу из состава Союза. Депутаты от Прибалтийских республик, например, заявили, что они не будут больше участвовать в обсуждении общенациональных проблем в парламенте, за исключением тех, которые касаются будущего устройства указанных республик.

Что же дальше? Сторонники Горбачева утверждают, что пост президента необходим ему на тот случай, если консерваторы попытаются дать ему бой на съезде КПСС летом этого года. Первый намек на его дальнейшие действия уже был. В газете «Известия» была помещена статья, где открыто обсуждался вопрос о том, должна ли КПСС расколоться на

две фракции, чтобы положить начало многопартийной политике в Советском Союзе.

И пока идут эти сражения, те советские люди, которые открыто выступают за более сильного лидера, могут быть довольны: их желания выполняются. Михаил Грозный, поборник демократии, твердо сидит в седле.

Уильям Сэфайр

ПАРТИЯ ИСЧЕЗАЕТ, ПОЯВЛЯЕТСЯ «СУПЕРЦАРЬ»*

Незадолго до фатального сердечного приступа Андрей Сахаров обратился к советскому народу с призывом положить конец монополии коммунистической партии. Михаил Горбачев оборвал его и заставил замолчать. Теперь же мечта о многопартийной системе становится реальностью. С ленинским тоталитаризмом будет покончено после того, как избирателям будет предоставлено право выбора между соперничающими кандидатами. Политические свободы начинаются с утверждения уважения к оппозиции.

А. Сахаров и некоторые его коллеги по группе реформаторов ставили еще и другую цель: покончить с монополией правительства на собственность и разрешить частникам и свободному рынку генерировать национальные богатства. Этот порыв к экономической свободе был заблокирован усилиями Политбюро несколько недель тому назад, поскольку Горбачев согласился с коммунистическими идеологами и аппаратчиками проводить перестройку в такой форме, чтобы сохранился контроль центра. «Удушающий демократический централизм» был вновь подтвержден на пленуме, однако на повестке дня стоит также принятие закона — ограниченного и запоздалого — о частной собственности.

Сахаров практически в одиночестве осмелился поставить и третью цель: сделать так, чтобы в Советском Союзе никто из руководителей не мог обладать чрезмерной властью. Какую пользу принесут многопартийная система и рыночная экономика, если их существование будет зависеть от прихоти одного человека? В Москве уже существует «великодушный деспотизм». То, что беспокоило А. Сахарова, вовсе не изжито. Оживление демократии, яростные, но скрытые дискуссии о направлениях развития, огромные толпы, собирающиеся неподалеку от Кремля, — все эти захватывающие исторические события происходят в одно и то же время с консолидацией власти всего в одних руках. «С партией покончено» — таковы крикливые заголовки некоторых западных статей, как

* W. Safire. As the party fades, a superzar is born. — „International Herald Tribune”, 1990, February 10—11.

будто крушение монопартийной системы гарантирует здоровую политическую конкуренцию за место в национальном руководстве. Приближающееся разделение партии устранил последнее препятствие на пути установления единоличного контроля над правительством. Централизация власти не была обуздана, центр власти просто-напросто все время смещается. Михаил Горбачев в настоящее время имеет больше власти, чем любой царь. Его культ личности превышает культ личности Сталина. Он разрушил коррумпированную партию и создал свою собственную иерархию власти, при которой лишь президент не нуждается в выборах.

Приветствуем «царя»! Следует ли нам радоваться по поводу результатов пленума? Безусловно. Он стал еще одним свидетельством победы капитализма над социализмом, триумфа, совершенно отчетливо наблюдаемого повсюду при сравнении уровней жизни свободных и несвободных людей. Должны ли мы испытывать восхищение в связи с маневрами самого отважного оппортуниста современности? Подстегиваемый безжалостной депрессией и разногласиями, он выбросил страны Восточной Европы из «советской повозки», а затем освободился и от тяжелой ленинской доктрины.

Это восхищает, но этого недостаточно. «Погоня продолжается». Он освободился от тяжелого груза военных расходов, который буквально подавлял его, позволил Прибалтийским республикам сделать шаг к долгожданной независимости и «скинул с телеги» обременительную Кубу и пристрастившуюся к потреблению оружия Сирию. Почувствовав, что «погоня» несколько поотстала, он решил, что нет необходимости проводить конверсию ракетной техники, идти на демобилизацию части войск, продолжать нападки на коммунистическую партию или утверждать права личной собственности. Ничего из этого не входило в его планы, насколько можно судить по его ранним работам, пяти годам промахов и его недавних «кульбитов». Блестяще импровизируя, «суперцарь» приближает установление многопартийной системы внутри страны, но демократию не устанавливают по приказу. Единоличное правление независимо от того, насколько великодушным является деспот, не лучше, чем однопартийное правление. Возможность устраивать массовые сходки у Кремля, так же как и тайное голосование в зале заседаний, откуда ведутся телепередачи с их широким резонансом, — все это имеет историческое значение. Вскоре ему придется стать свидетелем еще больших сборищ, маршей протеста, демонстраций в поддержку забастовщиков. Многие будут в гневе выражать свое возмущение по поводу нехватки продуктов питания, отсутствия рабочих мест, ущемления прав нацменьшинств. Другие будут требовать права все более свободного высказывания в повседневной жизни.

Президент Буш, как сообщают, рассматривает возможность назначения послом в Москву человека высокого уровня, например такого, как его тexasский приятель Роберт Страус. Он должен произвести выбор человека, который будет осуществлять связь с Москвой напрямую. Для существования политической свободы необходимо существование решительной, организованной оппозиции. Для экономического спасения нужна частная собственность и свободные рынки. Для расширения сотрудничества на международной арене необходим вывод войск из Восточной Европы, а также нужно освобождение прибалтийских народов.

Для осуществления законности необходимо предоставить народу возможность выбирать своих лидеров и обеспечить ему право голосовать за них, особенно право голосовать за президента.

ЛИТОВСКАЯ ПАРТИЯ: ОРИЕНТИР ДЛЯ ГОРБАЧЕВА*

В Литве говорят, что Альгирдас Бразаускас видит коммунистическое будущее, но, честно сказать, оно совсем не похоже на коммунизм.

Под руководством Бразаускаса компартия этой Прибалтийской республики объявила о своей независимости от КПСС, признала возможность соперничества со стороны других политических партий, рассталась со многими своими старыми бюрократами и приняла программу, в которой содержится мало почтения к Марксу и Ленину. Для политических лидеров в Москве, размышляющих о жестоком мире политического плюрализма, литовский эксперимент означает, что коммунистическая партия может избежать дальнейшего падения своего авторитета, но только путем преодоления внутреннего застоя и признания реальной возможности стать партией меньшинства.

Бразаускас, которому 57 лет, утверждает, что такая скромная трансформация стоит свеч, учитывая возможность повторения вариантов тех событий, которые произошли в Румынии или Советском Азербайджане, где жесткое сопротивление реформам привело к кровавым столкновениям.

«Партия не должна жить для себя, как это было в Румынии, где она была чем-то неприкасаемым, находилась вне критики, была всегда права и никогда не ошибалась, — заявил Бразаускас. — Партия должна либо радикально изменить себя и стать ближе к людям, либо самораспуститься».

Благодаря такому подходу Бразаускас, возможно, как ни один другой коммунистический лидер в Европе, постоянно пользуется поддержкой широких масс и при опросах общественного мнения опережает любого независимого политического деятеля в республике. Некоторые из лучей его популярности падают и на партию.

Наиболее поразительным свидетельством стал опрос общественного мнения, проведенный в январе 1990 г., вскоре после того, как Коммунистическая партия Литвы объявила о своем формальном разрыве с КПСС и одобрила программу независимости Литвы, политического плюрализма и свободного рынка.

* B. Keller. Lithuanian party: Guide to Gorbachev? „International Herald Tribune“, 1990, February 8.

Опрос общественного мнения, проведенный Академией наук Литвы, показал, что 73% граждан республики позитивно оценили деятельность литовской компартии. При этом было потеснено независимое политическое движение «Саюдис». «Я думаю, что это уникальный показатель для всего мира», — заметил Бразаускас, поскольку показатель одобрения деятельности его партии в ноябре 1989 г. составлял всего около 16%.

Однако несмотря на внезапный рост популярности, партийные функционеры признают, что после выборов в литовский парламент они, очевидно, станут младшими партнерами в коалиционном правительстве, доминировать в котором будут новые легализованные партии от оппозиции и независимых.

Бразаускас заявил, что он готов к тому, чтобы продолжать действовать и после поражения, хотя он ведет отчаянную борьбу на выборах. «Я думаю, — признал он, — что в новом парламенте будет меньше коммунистов, но это будут коммунисты в лучшем смысле слова».

Когда Бразаускас в 1988 г. был назначен главой Коммунистической партии Литвы, его позиция не была сходна с той, в которой сегодня оказался Михаил Горбачев.

Бразаускас был проникновен и поступал как осторожный реформатор, чья партия быстро теряла влияние под нажимом политических инакомыслящих, объединившихся под знаменем «Саюдиса».

Поскольку в Литве необычайно широко распространились призывы к независимости, которая была потеряна в 1940 г., когда три Прибалтийских государства были насильно аннексированы, Бразаускас попытался дистанцироваться от Кремля.

В декабре 1989 г. литовская компартия бросила вызов разъяренному Кремлю и объявила о своей независимости, а также приняла программу, которая почти не отличается от платформы недавно созданной Демократической партии Литвы. Не в пример КПСС, литовцы приветствовали появление в своих рядах верующих. Компартия Литвы провозгласила также приверженность свободному рынку, включая частную собственность на средства производства и на землю. Она отказалась от «демократического централизма» — централизованной системы, основанной на жесткой дисциплине и требующей от своих членов поддержки курса, насаждаемого сверху.

Опыт ряда советских республик, заметил Бразаускас, «уже показал, что может произойти, если руководство настаивает на проведении твердого курса, основываясь не на разумном выборе, а на неких принципах».

Литовская партия выступает за полностью независимый курс Литвы, хотя Бразаускас призывает к осторожному переходному периоду и поддержанию некоторых связей с Москвой

по аналогии с теми, которые существуют в Европейском сообществе.

«Это будет союз или содружество государств, основанное на принципах добровольности и взаимной выгоды», — заявил он, занимая позицию, которая далеко вышла за рамки схемы, предначертанной Горбачевым.

Фред Коулмэн

ЕЩЕ ОДИН КРИЗИС ГОРБАЧЕВА*

В начале этого года Горбачев согласился с возможностью введения многопартийной системы и сделал это таким образом, как будто он хотел выиграть пари. Такое изменение выглядит демократически, но на практике, однако, оно почти ничего не означает. В конце концов только коммунисты после 1917 г. располагают опытом удержания власти. Ни одна другая партия не смогла бы создать организацию национального масштаба, чтобы серьезно конкурировать с КПСС на выборах в течение ближайших лет.

Тем не менее недавно в Советскую Конституцию были внесены изменения, позволяющие другим партиям функционировать легально. И Горбачев уже имеет веские основания, чтобы пожалеть об этом. Семена плюрализма дали всходы, но не в рамках какой-то узкоориентированной новой партии, подобной «зеленым» в ФРГ. Нет, вызов был брошен внутри самой советской коммунистической партии, и это угрожает ей расколом уже в этом году.

Учитывая напряженность в Литве, Горбачев ни в коей мере не хотел бы допустить кризисного положения в партии. Однако именно с этим ему предстоит столкнуться. На прошлой неделе радикальная партийная фракция объявила о том, что в мае будет проведен ее форум с целью определить, отколет ли она от КПСС, чтобы образовать новую социал-демократическую партию по западному образцу. Если она это осуществит, то нанесет позиции Горбачева невосполнимый ущерб.

Радикалы называют себя «Демократической платформой». До последней недели они работали внутри коммунистической партии, добиваясь либеральных изменений, включая отмену цензуры в печати и переход на рыночную экономику. Они составляют внутри партии крепкое звонкоголосое меньшинство.

Их поддерживают, как они считают, около 30% членов партии и миллионы беспартийных избирателей. В течение последних месяцев они мобилизовали сотни тысяч людей для участия в уличных демонстрациях в поддержку более ради-

* „Newsweek”, 1990, April 2.

кальных реформ. В результате победы на местных выборах прогрессисты взяли под контроль городские Советы в Москве, Ленинграде и некоторых других ключевых центрах. Одобрение многопартийной системы дает им новые возможности, которыми они немедленно пользуются. Юрий Прокофьев, глава московской партийной организации, заявляет, что после того, как они проведут в мае свой форум, «раскол станет неизбежным».

Коммунисты-ортодоксы вряд ли могут ждать. Егор Лигачев, ведущий консерватор в правящем Политбюро, недавно призвал к чистке радикальной фракции. Настало время, заявил он на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 16 марта 1990 г., «очистить партию от тех, кто наносит ей ущерб, кто участвует в оппозиционных выступлениях и антисоциалистических движениях».

Лигачев и консерваторы знают, что если фракция прогрессистов отколет, то оставшиеся 70% членов партии будут колебаться и это ослабит власть Горбачева. Очевидно, президент не желает ни того, ни другого. «Мы не будем раскалываться на кланы и группировки. Это путь к расколу в партии и стране», — заявил он в своем выступлении на Пленуме.

Как президент и глава коммунистической партии Горбачев вполне имеет возможность нанести поражение консерваторам. Но почти наверняка он будет также стремиться к тому, чтобы радикалы остались внутри партии. Большие возможности для Горбачева возникнут 2 июля сего года, когда откроется партийный съезд, который должен будет обсудить программу партии и основные направления ее работы на следующие 5 лет.

Кроме того, съезд выберет новый состав Центрального Комитета, в который войдут 250 человек. Горбачев готов предложить прогрессистам много мест в этом органе, если они останутся в партии.

Перспектива выглядит соблазнительной. Как члены Центрального Комитета они будут иметь реальный шанс, чтобы повернуть страну в том направлении, которое им нужно. Их недовольство главным образом как раз и вызвано тем обстоятельством, что Центральный Комитет, в котором преобладали консерваторы, связанные с периодом позорного правления Леонида Брежнева, никогда не изъявлял желания их выслушать.

«Рядовые члены партии не имели реальных шансов как-то воздействовать на ход партийной жизни», — утверждает Вячеслав Шостаковский, ректор Высшей партийной школы и один из лидеров «Демократической платформы». Однако какое количество радикалов Горбачеву удастся привлечь на свою сторону, пока неясно.

Другие коммунисты-либералы считают, что они смогут более эффективно вести борьбу за поддержку в массах, действуя вне партии.

Они считают, что располагают определенной поддержкой по меньшей мере в 70 советских городах и среди некоторых ключевых социальных групп, таких, как шахтеры, забастовка которых в прошлом году нанесла ущерб экономике. Если им удастся в мае получить массовую поддержку, то впервые после смерти Ленина в Советском Союзе возникнет серьезная оппозиционная партия. По иронии судьбы, через 72 года после большевистской революции эти претенденты смогут наконец стать тем будущим, которое будет иметь созидательное начало.

ИНТРИГИ — ЧАСТЬ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ*

Временами Михаил Горбачев напоминает артиста, летающего туда и обратно между двух раскачивающихся трапеций — между теряющей свои позиции, но все еще сохраняющей власть коммунистической партией и набирающими силу органами государственного управления. Может ли он сделать неверное движение и удастся ли поймать его без страховочной сетки? Преподаватель русского языка из Колгейтского университета Тони Олкотт подчеркивает: «Риск весьма велик. Но до сих пор он не сделал ни одного неверного движения. Я полагаю, он не пойдет на какой-либо маневр, не будучи абсолютно уверенным в том, что таковой даст положительный результат». Важным шагом — в подлинном смысле драматическим — был бы его отказ от одного из высших постов. Как раз недавно распространились слухи о том, что Горбачев может уйти с поста Генерального секретаря ЦК КПСС.

О причинах такого шага можно только догадываться. Может быть, он предусмотрительно покидает слабеющую партию? Или, может быть, он оставляет свой пост, не дожидаясь принуждения к отставке, и намеревается понаблюдать, что удастся сделать тому, кто заменит его? И не связан ли этот шаг с предполагаемым в скором времени проведением пленума могущественного Центрального Комитета? Эксперты пытаются дать квалифицированные ответы на любой из этих вопросов. Оценки одного из специалистов выглядят довольно тревожными. «Все эти слухи наносят ему ущерб, — отмечает Маршалл Голдман, заместитель директора Русского исследовательского центра Гарвардского университета. — Он оказывается как бы поставленным в положение терпящего бедствие... Все вокруг Горбачева разваливается».

Однако в распространенных после этого информационных сообщениях говорилось, что слухи о его уходе являются «беспочвенными» и что «кто-то заинтересован в их распространении». Агентство Си-эн-эн подтвердило свою первоначальную версию, добавив, что такое сообщение, возможно, появилось как «пробный шар» и было пущено в ход лицами, противодействующими Горбачеву. «Президент Буш связывался по телефону с Горбачевым, чтобы обсудить проблему по контролю над вооружениями. В ходе этой беседы, как заметил

представитель Белого дома М. Фицуотер, вопрос о распространении вышеупомянутого слуха не обсуждался. Сообщение агентства Си-эн-эн расстроило сторонников Горбачева в Москве. Александр Яковлев, член парламента и сторонник Горбачева, заявил: «Я полагаю, подобного рода слухи возникают из-за того, что люди опасаются этого и хотят этого не допустить».

Эти сообщения, однако, не удивили американских советологов, которые в последние 6 лет наблюдают за взлетами и падениями авторитета Горбачева; в последнее время в большей степени за падениями. Эксперты отмечают, что дела в партии шли не слишком успешно и подобного рода слухи возникали перед любым важным заседанием Центрального Комитета. «Теоретически для Горбачева самым ловким шагом был бы отказ от партийного поста, поскольку он никогда не располагал большинством в Центральном Комитете», — подчеркивает Леон Аарон из «Фонда наследия», расположенного в Вашингтоне.

Представитель Гарримановского института при Колумбийском университете Аллен Линч отмечает: «Гипотетически такой шаг увязывался бы с тем видением политической реформы, которое присуще Горбачеву, по мере передачи власти от традиционных структур партии новым, внепартийным институтам государственной власти».

Горбачев сам подстегивал распространяемые слухи неоднократными заявлениями о том, что он устранился от партийного руководства. Но каждый раз он получает вотум доверия. Однако, несмотря на то что он находится во главе коммунистической партии вот уже 5 лет, он не располагает большинством в Центральном Комитете.

Учитывая колоссальные экономические проблемы, стоящие перед страной, в том числе нехватку продуктов питания и потребительских товаров, а также этнические брожения, грозящие раздробить Союз на части, существуют предпосылки того, что Центральный Комитет однажды примет его отставку. Наблюдается рост критических высказываний по поводу того, что Горбачев как глава государства и партии сосредоточил в своих руках слишком много власти. Его обвинили также в том, что он уделяет недостаточно внимания своим партийным обязанностям вследствие загруженности работой на президентском уровне. Луиза Шелли из Американского университета замечает: «Цели правительства и партии порой противоречат друг другу». Она напоминает, что Андрей Сахаров, наиболее известный советский диссидент, однажды писал Горбачеву, что ему придется сделать выбор между двумя постами. По словам Аарона, «все это является результатом проблем, накопившихся при Горбачеве». Вопрос о том, останется ли он во главе партии, в конечном счете не столь

* „USA Today“, 1990, February 2, p. 1—2.

важен по сравнению с политическими проблемами, стоящими перед ним.

Он должен добиваться у Центрального Комитета поддержки своей политики в отношении отколовшейся Коммунистической партии Литвы и кризиса в Азербайджане, где мусульмане азербайджанцы ведут борьбу против христиан армян.

Кремлевские консерваторы, возглавляемые Егором Лигачевым, могут извлечь из сложившейся ситуации выгоду, используя в качестве политического оружия фактор крушения восточноевропейского альянса.

А. Яковлев является другом и сторонником Горбачева, который настаивает на продолжении реформ. Его усиление будет на пользу Горбачеву. Николай Рыжков — премьер-министр, опирающийся на собственную платформу. Он придерживается умеренных взглядов, и его усиление не повредит Горбачеву, но и не принесет особой выгоды. Реформы при нем будут исполняться, но медленно.

Возвышение Лигачева, лидера консерваторов, резко затормозит ход реформ.

Два малоизвестных лица, окружающих Горбачева, — это руководители КГБ и армии. Предположительно КГБ на стороне Горбачева. Он обязан своим возвышением поддержке Юрия Андропова, бывшего шефа госбезопасности, который стал руководителем Советского Союза после смерти Леонида Брежнева. Потенциально большое беспокойство вызывает армия, испытывающая затруднения вследствие падения морали, сокращения ассигнований и притока свежих кадров, а также нарастания протестов против всеобщих призывов на военную службу. Все эти трудности могут усугубиться из-за спорного использования войск в Азербайджане.

За последние несколько лет немалые трудности были связаны с размещением советских войск. После вывода войск из Афганистана правительство признало, что их ввод туда был ошибочным. Войска, расположенные в Восточной Европе, назывались победоносными. Гражданское оппозиционное движение привело к падению коммунистических режимов. Затем последовали просьбы о выводе этих войск.

Заводы, которые некогда гнали военную продукцию, ныне переориентированы на выпуск потребительских товаров. Выступающие в парламенте народные депутаты называют расходы на содержание военных пустой тратой денег. В Прибалтийских республиках, покоренных Иосифом Сталиным, местные жители относятся к военным как к оккупантам. Тем не менее ключевой вопрос остается прежним: почему слухи об отставке Горбачева распространились именно сейчас?

А. Линч отвечает так: «Возможно, подпольно плетутся интриги, о которых мы ничего не знаем».

Фрэд Коулман

ДО СВИДАНИЯ, ТОВАРИЩИ*

На прошлой неделе критики в советском парламенте жаловались на то, что Горбачев сосредоточил в своих руках слишком много власти. Горбачев в гневе повысил голос. «Мы говорим о президентской власти, о конституционных изменениях», — поучал он. Что Горбачев будет делать с этой властью? Чтобы доказать, что это делается не в личных интересах, Горбачев заявил, обращаясь за поддержкой к депутатам, о гипотетической возможности отказаться от выдвижения своей кандидатуры в президенты. «Но я думаю, в моей позиции никто бы этого не сделал, — быстро добавил он, — это было бы трусостью».

Как обычно, Горбачев настоял на своем. Депутаты большинством голосов (347 против 24) предоставили ему все, что он хотел. Вскоре президентская власть будет реализовывать свои полномочия, накладывая вето в законодательной области, объявляя войну и, в случае внутреннего кризиса, вводя чрезвычайное положение или режим президентского правления. Некоторые депутаты опасаются, что Горбачев или его восприемник могут повернуть новую власть к тому, что некоторые называют «просвещенным сталинизмом». Другие полагают, что не подобает идти на такие фундаментальные изменения советской системы после всего лишь двухнедельных обсуждений. Третьи жалуются на то, что Верховный Совет (как официально называется советский парламент) не располагает должной системой сдержек и противовесов, которые могли бы послужить гарантией против злоупотреблений президентской властью.

«Нам необходимо нечто подобное процедуре импичмента», — заявил видный прогрессивный депутат Сергей Станкевич. Однако большинство депутатов согласилось с тем, что только сильная исполнительная власть может спасти нацию от углубляющихся экономических и политических кризисов, которые угрожают стране развалом.

Тем не менее обе стороны упустили главное. В действительности полномочия Горбачева возросли незначительно.

* F. Coleman. Farewell to the comrades. — „Newsweek“, 1990, March 12, p. 13.

Один посол-ветеран в Москве заметил: «Как Генеральный секретарь коммунистической партии Горбачев фактически имел неограниченную власть при старой системе». Как партийный лидер он практически мог делать все, что хотел, за закрытыми дверями, а теперь, в условиях президентской системы, ему придется делать это на людях. «Действительная цель осуществленных перемен, — заметил посол, — состоит в том, чтобы изъять у партии исполнительную власть и передать ее правительственной структуре». В этом суть фундаментальной реформы советской системы, осуществляемой Горбачевым для того, чтобы добиться выживания его программы перестройки.

Пятилетний срок. Существует две важнейшие причины для осуществления перемен. Во-первых, хотя власть Горбачева как партийного лидера фактически неограничена, так может продолжаться только до тех пор, пока на это сохраняется позволение коммунистической элиты. Фактически 250 членов Центрального Комитета могут в любое время тайно проголосовать за его отстранение, подобным же образом, как была осуществлена отставка Хрущева в 1964 г. Президент же, согласно принятому закону, избирается народом на 5-летний период и уже не может быть отстранен путем заговора среди членов Центрального Комитета. Таким образом, позиция Горбачева будет в большей безопасности.

Во-вторых, в последние два года Горбачев все больше убеждается в том, что коммунистическая партия препятствует осуществлению его реформ. Коммунисты — работники центральных планирующих органов — блокировали даже его скромные шаги на пути к рыночной экономике. Не может быть эффективной экономической реформы до тех пор, пока партия обладает монополией политической власти. Поэтому Горбачев намерен подорвать такую монополию, заставив коммунистов участвовать в борьбе на выборах против представителей других партий, а также передав парламенту часть полномочий, принадлежащих коммунистам и, наконец, утвердив сильное президентство. Советскому лидеру удастся все это осуществлять только потому, что коммунисты ослеплены верой в то, что их Генеральный секретарь не станет ослаблять свою собственную партию. Однако они не могут понять, как заметил один дипломат, что Горбачев «намерен спасти свою страну даже за счет интересов партии».

Совершенно ясно, что он намерен предпринять в дальнейшем. Специальный Съезд народных депутатов (своего рода сверхпарламент) проведет слушания с целью наделить Горбачева сильной президентской властью. На первый срок президент будет избран парламентом, а не народом, и совершенно ясно, что Горбачев добьется желаемого. Затем он назначит премьер-министра и кабинет, которые будут осу-

ществлять дела под его контролем. Коммунистическая партия будет консультировать правительство, но уже не сможет диктовать свою политику. Коммунисты не смогут также получать посты просто вследствие своей принадлежности к партии, а обязаны будут проявлять свои способности в ходе избирательной борьбы. В условиях новой системы президентской власти Горбачев будет иметь большие возможности для того, чтобы решать трудные экономические проблемы и контролировать волнения нацменьшинств. Ему не придется больше маневрировать каждый раз для обеспечения поддержки со стороны партийной элиты.

Многopартийная система. Возможно, консерваторы уже упустили время, чтобы остановить Горбачева. В любой важной области советский лидер добился успеха. Перед недавним важным Пленумом Центрального Комитета решался вопрос о том, можно ли допустить возникновение многопартийной системы. Теперь же вопрос стоит не о том, можно ли, а о том, когда и как. Партия больше не может надеяться на то, что она будет диктовать свои условия пассивной общественности. Это было подтверждено еще раз на прошлой неделе, когда сотни тысяч людей в городах по всему Советскому Союзу приняли участие в демонстрациях, требуя еще больших демократических реформ. Благодаря усилиям Горбачева похоже на то, что в 1995 г. советские люди впервые в своей истории будут выбирать президента из числа нескольких противоборствующих кандидатов. Тогда они наконец сами начнут контролировать свою собственную судьбу.

Кеннет М. Карри*

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И ВОЕННЫМИ ПРИ ГОРБАЧЕВЕ**

Военные и преемственность власти

Со времени смерти Сталина в 1953 г. советские военные стали играть заметно меньшую роль в политической жизни, связанной с преемственностью руководства. В отличие от 1953 г., когда военные явно сыграли непосредственную роль в аресте и казни Лаврентия Берии, они приняли лишь косвенное участие в процессе, связанном с принятием Горбачевым должности руководителя партии в 1985 г. Самое большее, что можно сказать в данном случае, — Горбачев знал об интересах и опасениях военных и принял их во внимание. Относительная легкость, с какой Горбачев взял власть, убеждает, что интересы, не касающиеся центральных партийных органов, обычно оказывают незначительное — если вообще какое-либо — влияние на споры вокруг избрания нового партийного лидера.

Падение роли военных в политике советского руководства можно объяснить рядом причин в зависимости от концептуальной схемы, которую используют при изучении вопроса об отношениях между партией и военными в СССР. Недостатка в литературе об этих отношениях нет, по крайней мере на Западе. В работах западных авторов выделяется три модели отношений между партией и военными.

Три модели отношений между партией и военными

Первая модель советских партийно-военных отношений наиболее четко разработана Романом Колковичем. Его основная идея состоит в том, что отношения между партией и военными в СССР чреваты конфликтами и поэтому представляют собой постоянную угрозу политической стабильности Совет-

ского государства. Источники конфликта — в диаметрально противоположных интересах партии и военных. Партия желает, чтобы военные обладали чертами эгалитаризма, подчинялись идеологии, признавали принцип пролетарского интернационализма, имели неразрывную связь с обществом и анонимность в действиях. В противовес этому военное руководство желает возглавлять силу, которая стремится к таким характеристикам, как элитизм, профессиональная автономия, национализм, отстраненность от общества и героический облик. Колкович утверждает, что эти несовместимые устремления ведут к циклическому характеру партийно-военных отношений, при котором периоды спокойствия нарушаются напряженностью и кризисом. Военные наиболее слабы тогда, когда партия сильна и едина.

Идея Колковича об имманентно конфликтной природе отношений между партией и военными подвергалась сомнению на протяжении последнего десятилетия рядом авторов, в том числе Вильямом Одомом и Тимоти Колтоном. Одом полностью отвергает утверждение Колковича о наличии институционального конфликта между партией и военными. Он допускает, что существует всепроникающий конфликт в советском министерстве обороны, но считает, что институциональная граница между военными и партией во многом искусственно представляется в виде источника конфликта: между этими двумя институтами существует «широкий прагматический консенсус», согласованность в ценностных ориентациях.

Одом полагает, что партия и военное руководство придерживаются, в сущности, идентичных взглядов по ряду вопросов, включая экономическую децентрализацию (обе силы в основном противодействуют более чем скромным шагам в этом направлении), интеллектуальное инакомыслие, национальные движения, политическую и экономическую либерализацию в Европе и десталинизацию (и здесь обе силы выступают против шагов в этом направлении). По мнению Одома, альтернативная концепция отношений между партией и военными гласит, что военные являются «просто» административной рукой партии и потому выполняют функцию политической социализации, прививая ценности общества военным служащим. Более того, вооруженные силы не отделены от реалий советской политики, бюрократической по своей сути, и не «вырабатывают решений» в этой области. Военные могут только применять политические установки, сформулированные наверху и спущенные им. Главный недостаток анализа Одома состоит в его неспособности объяснить перемены при слиянии партийных и военных ценностей. Налицо некоторое несогласие между руководством Горбачева и определенными элементами в военном руководстве относительно природы экономических реформ, предложенных Горбачевым. Такое несогласие

* Кеннет М. Карри — подполковник ВВС США, руководитель отдела стратегических исследований разведывательного управления ВВС. Он получил степень доктора политических наук в Университете Джорджа Вашингтона и является одним из редакторов книги «Советский Союз: что ждет впереди?» („The Soviet Union: What lies ahead?”, 1985).

** Kennet M. Currie. Party-Military Relations under Gorbachev. — In: The Gorbachev Generation. Issues in Soviet Domestic Policy. Ed. by Lane Shapiro Zacek. 1989. p. 197—220.

обычно перерастает в вопрос о том, как приспособлять реформу к странам Восточной Европы. Кроме того, шаги Горбачева в направлении дальнейшей десталинизации предполагают, согласно модели Одома, возможность резкого расхождения взглядов и по этому вопросу. Такие варианты развития явно лишают модель Одома ее привлекательности. Действительно, принимая формулировку Одома, мы вынуждены заключить, что, как только ценности разделяются, должен произойти конфликт между партией и военными — а это противоположно тому, что намеревался сказать Одом, разрабатывая свою модель. Итак, даже в попытке Одома разработать альтернативную модель отношений между партией и военными есть, безусловно, утверждения об определенном конфликте, хотя и скрытом.

Тимоти Колтон нашел более точное объяснение тому, почему советские военные были «политически неподвижными» в своих отношениях с партией. Он замыкается на тезис о том, что партия, по существу, «оплачивает военные корпоративные интересы за хорошее поведение маршалов».

Центральная проблема в этих трех моделях состоит в вопросе о природе конфликта в советской системе. Все ли политические конфликты между партией и военными дисфункциональны применительно к понятию стабильности системы? Колкович явно считает, что это так, поскольку такие конфликты взрывоопасны. Одом уходит от ответа главным образом отрицая существование такого конфликта из-за опасения, что такое признание может вынудить его принять доводы об определенной степени автономности военных. Подход Колтона схож с подходом Одома: конфликт минимизируется признанием партией интересов военных.

Конфликт — это неотъемлемая часть отношений между политическим и военным руководством в любой политической системе, включая советскую. Конфликт может действительно быть дисфункциональным, если он выходит за определенные рамки. Вместе с тем институциональный конфликт может выполнять жизнетворную функцию укрепления системы: без такого конфликта политическая система обычно застывает и гибнет. Тогда мы вправе задаться вопросом не о том, существует ли партийно-военный конфликт постоянно, а о том, является ли этот конфликт угрозой стабильности политической системы и, следовательно, приближается ли он к пределам, за которыми становится дисфункциональным или угрожающим системе. Три вышеизложенные модели не дают ответа на этот вопрос, потому что они стремятся максимизировать либо минимизировать воздействие конфликта на советскую политическую систему. Они также неполноценны потому, что рассматривают партийно-военные отношения в СССР в самом общем виде, а дело в том, что та-

кие отношения не могут сравниваться с отношениями «вообще» военных и гражданских частей общества в других системах, потому что существование партии и различных партийных органов в вооруженных силах делает такое сравнение трудным, если не невозможным.

Рост советского военного профессионализма

Три доминирующие модели отношений между партией и военными предполагают, что по мере проведения Горбачевым «реконструкции» советского общества он должен делать это с оглядкой на военных, поскольку последствия многих его реформистских предложений предвещают потенциальное сокращение доли военных в экономических ресурсах страны. И все же вопрос остается открытым — обязательно ли такой сдвиг в экономических приоритетах вызовет разрастание конфликта между партийным и военным руководством и возникновение кризиса в отношениях между ними. Такой сценарий предполагает, что советская политическая система не обладает существенными запасами стабильности или законности — ресурсами, которыми, как нам кажется, советская политика располагает в значительной мере. Этот сценарий также предполагает, что военные будут решительно сопротивляться *любой* попытке урезать средства, предназначенные для обороны.

В спорах об отношениях между партией и военными упущен из виду рост советского военного профессионализма и его позитивное влияние на эти отношения. Разногласия по вопросам политики между партийным руководством и высшим военным командованием останутся, но эти разногласия не будут рассматриваться как серьезный вызов стабильности. Нынешняя стабильность утверждает верховную власть партии над военными без опоры на открыто инструктивный и униزительный контроль со стороны политических органов, она уменьшает возможность любого конфликта между партией и военными и гарантирует продолжение автономии для военных в регулировании их собственных внутренних дел. Такая автономия, скорее, служит укреплению поддержки военными партийного руководства, чем бросает вызов авторитету партии. Это предполагает, что военные, хотя и недовольны своей краткосрочной причастностью к ряду предложений Горбачева, безоговорочно поддержат программы Горбачева не просто потому, что они направлены на обеспечение долгосрочной жизнедеятельности и усиление советской экономики — существенный фактор для наращивания военной силы Советского Союза, — но еще и потому, что они лишены партией права на политику; а в таком случае должны беспрекословно подчиняться установленному порядку или признавать законность лиц, провозглашающих программы Горбачева.

Военный профессионализм имеет три составляющие: знание и опыт; корпоративизм; ответственность. К первой относятся специализированные знания, полученные в процессе обучения и практики. Корпоративизм предполагает наличие разделяемого другими чувства единства и осознание себя в группе, отделяемой от остального общества. И наконец, мифическая ответственность за общество в целом; индивид перестает быть профессионалом, если он отказывается выполнять свою профессиональную обязанность или ведет себя антисоциально. Профессиональный военнослужащий — это слуга общества, и в таком качестве он наиболее озабочен потребностями общества. Настоящий профессиональный солдат деполитизирован. Военное вмешательство в политику «подорывает его профессионализм, сокращая его профессиональную компетентность, противопоставляя военную профессию самой себе, заменяя профессиональные ценности посторонними ценностями», — считает Самуэль Хантингтон. Вероятно, это уж слишком, требовать от профессионального военного нейтралитета по отношению к группам в гражданском руководстве, поскольку корпоративные интересы военных могут лучше удовлетворяться той или другой группой. Тем не менее профессиональные военные обычно воздерживаются от вмешательства с целью перетянуть чашу весов в пользу более «провоенной» группы, поскольку признают верховную власть гражданского (или партийного) контроля. Нежелание вмешиваться обычно подкрепляется и фактом существования сплоченного политического руководства, которое удерживает различные силы от обращения к военным с просьбами о поддержке при разрешении споров. Обе эти тенденции совершенно очевидны в Советском Союзе.

С точки зрения знаний и опыта мало оснований сомневаться в том, что советский офицерский корпус соответствует приведенным выше определениям. Именно боевые офицеры с опытом командования крупными формированиями и операциями составляют ядро профессиональной военной элиты. Советские боевые офицеры проходят интенсивное обучение и проверку на способность руководить «сложными военными операциями». Знания и опыт — это результат процесса глубокого профессионального обучения. Они составляют предмет пристальной заботы военного и партийного руководства. На профессиональное обучение советских офицеров затрачивается намного больше времени, чем у их западных коллег, и они дольше работают в полевых условиях. Судя по трудам советских военных, командный состав уверен в уникальности своих знаний и опыта. Эту уверенность в своей уникальности можно найти в отсутствии альтернативного источника знаний и опыта по проблемам военной и государственной безопасности в СССР. Хотя эта ситуация, возможно, понемногу

меняется, Горбачев продолжает практику опоры на военное руководство при получении советов по проблемам безопасности. Ощущение уникальности своих знаний и опыта определяет также чувство корпоративности у советских военных. Они считают уникальной свою профессию с ее ценностями и традициями. Традиции эти передаются из рук в руки, от поколения к поколению. Чувство органичного единства повышается благодаря отборному офицерскому корпусу Генерального штаба, похожего по своей организации и роли на офицерский корпус Генерального штаба в Германии до 1945 г. Эту группу офицеров объединяют общие связи, приобретенные в период обучения в Академии Генштаба, и вероятность того, что Генштаб в значительной мере контролирует рост их карьеры. Чувство корпоративности у профессиональных офицеров повышается и благодаря символике, связанной с различием в униформе, знаках отличия и званиях. Сегодня советский офицер носит импозантную форму и знаки отличия, выделяющие его как из среды рядовых солдат, так и из среды гражданских.

Генеральный штаб держит под контролем продвижение по службе всех старших офицеров. Но в то же время по линии министерства обороны СССР в кадровом вопросе существует система номенклатуры или «списки руководящих должностей», для которых необходимо партийное утверждение. Таким образом, прерогативы партийной номенклатуры в вооруженных силах вели к усилению контроля партии за военными. Вместе с тем партийные органы оказались вовлечены в формирование корпуса высших офицерских кадров.

Горбачев и современные военные

Произведенные им перемены в военном руководстве, которые привели на высшие позиции новое поколение, вероятно, представляют собой попытку поставить у руля тех военных, кто готов принять его политику и стиль руководства. Сам Горбачев хочет оживить партийные верхи, склонить их к идее о необходимости перемен. Он ищет военных руководителей с высоким уровнем профессиональных знаний и опыта, осознающих эту необходимость.

Произведенные им перемены в военном руководстве не укрепили контроля партии над военными; они лишь подтвердили его. Сегодня партия и военные находятся в согласии и считают необходимым достичь такого уровня, который обеспечит минимум «равной безопасности» с Соединенными Штатами. Это отход от амбициозных позиций.

Военные оказывают значительное влияние на процесс контроля за вооружениями, и такое положение вряд ли изменит-

ся в обозримом будущем. Партийное руководство всецело полагается на экспертизу военных. В этом смысле военные ускользают от политического контроля партии. Вместе с тем это отражает существующее между ними партнерство в решении вопросов национальной безопасности. Военные не играют в роли «незваного гостя»; их приглашает партия, поскольку ей нужен их опыт и знания.

Перспективы

Генеральный штаб через подготовленных офицеров, а партия через военную номенклатуру влияют на политику Горбачева, его попытки сделать советское общество более производительным. Отношение Горбачева к военным объясняется тем, что его призывы к экономической и политической децентрализации не находят у них отклика, несмотря на заинтересованность военных в быстрой модернизации технологий и расширении географических горизонтов. В то же время сопротивление военных модернизации советского общества не следует немедленно интерпретировать как оппозицию партийному контролю над военными или предвестник кризиса в отношениях между партией и военными. Точно так же, как поколение Горбачева представляет новую руководящую группу, которой надоели рецепты прошлого — предписания, характерные для эры Брежнева и приведшие к устойчивому спаду экономической мощи СССР, — так же и новое поколение военных лидеров, похоже, признает, что будущее военной мощи будет зависеть от сильной индустриальной базы и высокоразвитого общества. Эта смена поколений не указывает на тенденцию к демократизации и либерализации; она нацелена на внесение вклада новой группы руководителей в то, чтобы сделать Советский Союз сильнее и лучше приспособить его к выполнению роли мировой державы.

Рост профессионализма советских военных привел к появлению действительно профессиональной силы, которая считает себя слугой партии и государства. Советским военным постоянно напоминают — и они сами себе напоминают, что, хотя они являются обособленным слоем общества, они не изолированы от него. Их судьба тесно связана с судьбой советского общества в целом. Эта позиция подчиненности партии ведет к такой модели отношений, при которой партия может рассчитывать на преданность военных до тех пор, пока она не втягивает военных в руководство политикой. Отсутствие свидетельств какой бы то ни было значительной роли военных в послехрущевский период смены руководства позволяет предположить, что партия, вероятно, извлекла урок: она не может полагаться на профессиональный советский офи-

церский корпус, если одновременно настаивает на его политизации, приглашая военных к участию в дебатах по невоенным проблемам. «Политизация» вооруженных сил дает результат, прямо противоположный желаемому. А желаемое состоит в том, чтобы создать корпус профессиональных военных.

Джон Гошко

США ДЕЛАЮТ СТАВКУ НА ВЫЖИВАНИЕ ГОРБАЧЕВА*

Этническая напряженность и сепаратистские вызовы сотрясают Советский Союз. Американские должностные лица вынуждены признать, что Соединенные Штаты делают ставку на выживание Михаила Горбачева. Сторонники такой позиции противостоят тем, кто питает надежды времен «холодной войны» на фрагментарный распад Советского Союза.

Официальные должностные лица США выражают обеспокоенность в связи с военными действиями между мусульманами — азербайджанцами и христианами — армянами в Закавказье. Еще в большей степени они обеспокоены стремлением к независимости Литвы и других Прибалтийских республик, которые были инкорпорированы в состав Советского Союза накануне второй мировой войны. В течение 50 лет США рассматривали республики Прибалтики как страны, которые были захвачены и которые не должны подчиняться советскому правлению. Если Горбачев применит силу для того, чтобы предотвратить разрыв с Литвой, Латвией и Эстонией, Соединенным Штатам наверняка придется выбирать между старой политикой «захваченных наций» и их желанием видеть, как Горбачев овладел ситуацией.

Интервью с несколькими американскими официальными лицами показывает общий взгляд администрации на проблемы, стоящие перед Горбачевым, который несколько отличается от оценки ситуации, данной недавно старейшим американским экспертом по советским делам Джорджем Кеннаном. Выступая перед комиссией сената, Кеннан заявил: «Обширные неудачи перестройки в обеспечении нормальных запросов потребителей в крупных городах, беспорядки в Закавказье и Молдавии, требования масс и коммунистической партии в Прибалтике, фактически направленные на то, чтобы обеспечить их отделение, создали ситуацию, необычайно трудную и опасную для Горбачева, ибо его рассматривают в качестве лица, персонально ответственного за все эти кризисы и трудности...»

* *J. Goshko. For U. S., — Stake in Gorbachev's Survival. — „International Herald Tribune”, 1990, January 22, p. 4.*

«Политические тяготы, которые легли на него, настолько велики, — добавил Кеннан, — что вызывает сомнение, сможет ли он сколько-нибудь продержаться на своем месте, причем не из-за своего международного престижа, который дает важные преимущества Советскому Союзу, а потому, что ни у кого из его влиятельных коллег нет никакой конструктивной программы». Один ответственный американский чиновник говорит: «Горбачев в значительной степени является жертвой своего собственного успеха в создании открытой советской политической системы. В настоящее время у людей появилось больше возможности для того, чтобы жаловаться. Они все более смело заявляют о том, что не видят никаких улучшений в своей повседневной жизни в результате перестройки, и что они устали ждать».

«Горбачев продолжает исходить из предположения, что лечение коммунистической системы приведет к ее эффективному функционированию, а это даст возможность удовлетворить потребности людей», — отмечает один чиновник. И добавляет: «Многие из нас обеспокоены тем, что система в действительности не может работать эффективно и что Горбачев, таким образом, приближается к краху».

Другой чиновник подчеркивает, что события в Восточной Европе, происшедшие с лета 1989 г., высветили новые тревожные моменты. «Может оказаться, что русские, как и граждане восточноевропейских стран-сателлитов, не захотят больше коммунизма даже в его улучшенной форме. После того как Горбачев заявил, что он не будет использовать танки, для того, чтобы удержать государства Восточной Европы в поле притяжения Москвы, они бросились подальше от коммунизма к свободной рыночной экономике с такой скоростью, как только могли. Подобными же импульсами объясняются сепаратистские тенденции, наблюдаемые в настоящее время во многих советских республиках». Американские должностные лица согласны в том, что, за исключением очень незначительной помощи, такой, например, как предоставление принципа наибольшего благоприятствия в торговле, Соединенные Штаты в экономическом отношении ничего не могут предложить Горбачеву, кроме их наилучших пожеланий, чтобы со временем перестройка стала более действенной и смогла смягчить нетерпение советских потребителей.

Многие должностные лица полагают, что внутренние беспорядки в СССР дают Горбачеву время для того, чтобы перевести дух, поскольку его конкуренты должны дважды подумать, прежде чем решиться на то, чтобы занять его пост. В последнее время наибольшее беспокойство американских должностных лиц вызывают внутренние этнические противоречия и порывы к независимости, которые угрожают подорвать обширный альянс советских республик.

По мнению американских официальных лиц, волнения в Азербайджане не представляют крупномасштабной угрозы Горбачеву, поскольку они были вызваны этническими трениями, а не стремлением к независимости. Некоторые специалисты с тревогой обращают внимание на действия мусульманских фундаменталистов, добивающихся объединения Азербайджана с соседним Ираном. Однако эти лица полагают, что утверждение о распространении в Средней Азии «десятков маленьких Хомейни» преувеличено. Их вдохновляет аятолла Хомейни, бывший лидер Ирана. Один из чиновников поясняет: «Если и есть импульсы к сближению с мусульманской страной, то скорее всего с Турцией. Между тем Турция не располагает ни политической волей, ни экономическими ресурсами, чтобы присоединить к себе одну из частей Советского Союза». «Проблема Азербайджана — это в значительной степени проблема предотвращения анархии. Мы полагаем, что порядок будет восстановлен, поскольку Москва выделила достаточное количество войск для его наведения».

В противоположность этому, подчеркивают должностные лица, угроза отделения Литвы таит в себе серьезную проблему. Противники Горбачева могут обвинить его в том, что его политика ведет к развалу страны. «Если Литва выйдет из состава страны, то единство Советского Союза в целом будет поставлено на карту», — замечает один ответственный чиновник.

ВРЕМЯ ДЛЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Неправдоподобная, как может показаться, многопартийная демократия завоевывает себе место в Советском Союзе. Это кажется неправдоподобным потому, что русская автократия обладает такой живучестью, и потому, что коммунистическая партия претендовала на роль силы, которая единственно может играть роль объединителя всей страны. Однако за гвоздка вот в чем: страна вовсе не является единой. Власть коммунистической партии уменьшается на местах и подрывается в центре. И по мере того, как «каменная кладка» разрушается, из отдельных кусков начинают собирать первое многопартийное государство.

В Прибалтийских республиках де-факто уже существует многопартийность. В Эстонии существует 7 организаций, которые по всем параметрам, кроме названия, являются политическими партиями: Народный фронт, Христианские демократы, Независимая лига и т. д. В Литве 4 таких организации. В обеих республиках местные коммунисты уже заявили, что они готовы расстаться со своей монополией на власть, гарантированной конституцией, и испытать себя в ходе свободных выборов.

Недавно прошли выборы в двух из трех республик Прибалтики — Эстонии и Литве. Хотя законом не было разрешено участие в них новых групп в качестве партий и выдвижении кандидатов производилось на индивидуальной основе, тем не менее они были выдвинуты группами (таким образом, разница оказалась незначительной). Некоммунисты одержали убедительную победу. В Таллинне, столице Эстонии, оппозиционные партии образовали альянс, который, похоже, выиграл половину депутатских кресел. В Латвии Народный фронт получил 60% голосов. Так же, как в Чехословакии и Восточной Германии, местные органы власти были образованы на основе договоренности между коммунистами и некоммунистами.

В одном из регионов Советского Союза партийная власть потерпела крах. Речь идет о Закавказье. Здесь местными на-

* „The Economist”, 1989, December 16, p. 23—26.

родными фронтами были приняты важнейшие решения, иногда несмотря на противодействие партии, иногда при участии ее членов. Одним из примеров этого может служить декларация парламента Армении, принятая под давлением Народно-го фронта и провозгласившая присоединение Нагорно-Карабахской области, находящейся в Азербайджане, к «Объединенной республике Армении». Это привело к прямому противостоянию Армении с московским парламентом, который решил, что Нагорно-Карабахская область должна оставаться частью Азербайджана.

Даже в Москве заметны элементы плюрализма. Два некоммуниста представлены в центральном правительстве. (Они возглавляют министерства экологии и культуры.) И на Съезде народных депутатов, высшем законодательном форуме, все большую активность проявляют парламентские фракции. Межрегиональная группа насчитывает в своих рядах от 400 до 500 депутатов и имеет свою собственную платформу, включающую требования покончить с монополией власти коммунистической партии. Депутаты от Прибалтийских республик образовали свою парламентскую группу, которая сотрудничает с депутатами Среднеазиатских республик при обсуждении законов об экономической автономии.

Если вышеназванные факты являются «кирпичиками» демократии, то краеугольным камнем ее можно назвать отмену статьи 6 Конституции. Эта статья, имеющаяся в Конституции, принятой в 1977 г., гарантирует партии авангардную роль в обществе. Радикалы, от А. Сахарова до шахтеров из Заполярья, выступали и выступают за ее отмену. Консерваторы энергично защищают эту статью.

На бурном Пленуме Центрального Комитета, состоявшемся как раз накануне открывшегося 12 декабря 1989 г. Съезда народных депутатов, местные партийные лидеры, собравшиеся со всей страны, присоединились к силам, отстаивающим ст. 6 и коммунистические идеалы, которые, как они считают, были подорваны в результате перестройки. При обсуждении одного из вопросов, очевидно для того, чтобы утихомирить критиков, Горбачев риторически выразил готовность подать в отставку, прибегнув к маневру, который ранее довольно часто использовался политическими лидерами. На пленуме было принято решение о создании Российского Политбюро, хотя РСФСР до сих пор не имеет собственной партийной организации, что предвещает в будущем раскол между Россией и отдельными республиками. Хотя Горбачев назначил сам себя главой нового органа, а его секретарем — своего бывшего личного помощника Ивана Фролова (ныне главного редактора газеты «Правда»), в новом Российском Политбюро доминируют консерваторы, подобные ленинградскому партийному шефу Борису Гидаспову и президенту россий-

ского парламента Виталию Воротникову. Они выступают за сохранение ст. 6.

Горбачеву удалось отместить аргументы общественности, и он почти заставил Съезд народных депутатов отказаться от дебатов по вопросу об этой статье. (Несмотря на тактику твердой руки, которая использовалась Горбачевым, при голосовании о том, следует ли вынести этот вопрос на повестку дня, число голосов сторонников и противников не слишком разошлось: «за» — 1138, «против» — 839.)

Одной из причин, почему многие радикалы проголосовали вместе с Горбачевым, было то, что они рассматривают партию в качестве единственной силы, которая может защитить экономические реформы от нападков консервативной оппозиции. Один из ведущих сторонников линии на развитие частной инициативы, Александр Владиславлев, заявил, что он в данный момент выступает за сохранение ст. 6.

Горбачев редко говорит о «ведущей роли партии», а когда ему приходится касаться этой темы, он связывает ее с необходимостью «текущего этапа перестройки». Была создана комиссия для выработки текста новой Конституции. Почти наверняка будет «драчка» вокруг ст. 6. Вопрос стоит не о том, уступит ли партия свою конституционализированную монополию власти, а о том, когда это произойдет. Это может случиться к концу 1990 г.

Все решает время. Многие партийные функционеры полагают, что они могли бы победить в ходе свободных выборов, если бы располагали достаточным временем для реорганизации и избавления своих рядов от разношерстных элементов. Они обращают свой взор на Дальний Восток, где такая реорганизационная работа уже началась. В этом году уже были заменены составы партийных аппаратов, отдаленных тысячами миль от Москвы. Этим объясняется уверенность, с которой держатся депутаты Дальнего Востока на заседаниях парламента. По большинству экономических вопросов они выступают как консерваторы, и они верят в ведущую роль партии. Однако они не желают, чтобы данное положение было зафиксировано в Конституции. Они выступают за изъятие статьи 6.

Подобные же мнения преобладают в Литве, где местные партийные органы вскоре будут голосовать по вопросу о том, следует ли им разорвать связи со своими хозяевами в Москве. Это поставит Горбачева перед новым кризисом, поскольку он настаивает на том, чтобы Коммунистическая партия Советского Союза сохранила свое единство. По иронии судьбы, причина, по которой литовцы хотят отделиться, заключается в стремлении укрепить литовскую партию. Если им удастся провести реформы, они, как считается, смогут победить на выборах. Самым популярным политическим деятелем в республике является Альгирдас Бразаускас. На недавних выбо-

рах в Эстонии и Литве радикальные партийные лидеры собрали достаточно большое количество голосов. Однако, как считают местные коммунисты, для того, чтобы осуществить необходимые реформы, им необходимо порвать с Москвой.

Коммунистическая партия (или партии, если литовская отколется) вовлечена в гонку со временем. Необходимо провести реформы до того, как будут проведены свободные выборы в условиях отмены ст. 6. Это огромная проблема. В ходе первых за 70 лет частично свободных выборов в Советском Союзе, когда выбирались Народные депутаты на съезд, избиратели брали реванш за нарушения, допускавшиеся в прошлом.

Партия может оказаться перед лицом такого же кризиса доверия, который наблюдается в Чехословакии и Восточной Германии. Количество членов партии сокращается. В период с января по август 1989 г. из нее вышло 600 тыс. человек (общее количество членов партии — 18,9 млн.).

Опрос общественного мнения, проведенный сотрудниками Академии общественных наук, показал, что только 4% членов партии верят в то, что авторитет партии по-прежнему высок; 50% опрошенных заявили, что авторитет низок; одна треть опрошенных считает, что партия неспособна осуществить реформу.

Майкл Уоллер

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ: ЦЕНА ДИСЦИПЛИНЫ*

В терминах истории XX столетия коммунизм и демократический централизм неразделимы. В каком-то смысле они определяют друг друга: пробным камнем для коммунистической партии является вопрос о том, придерживается ли она «ленинского принципа демократического централизма»; и тем не менее демократический централизм — как он нормально понимается — может фактически быть определен только через поведение и деятельность коммунистических партий. Это объясняется очень простой причиной — преобладанием Советского Союза в мировом коммунистическом движении, которое он имел возможность в течение четверти столетия вести и формировать. Именно Коммунистическая партия Советского Союза после победы русской революции и на гребне этого события создала Коминтерн, и именно Коминтерн создал во всем мире сообщество коммунистических партий с их стратегиями и их организационными нормами. Содержание этих стратегий и природа этих организационных норм происходят из эволюции самого Советского Союза — эволюции, в которой революционная сила применила свои революционные мускулы и самонадеянно присвоила себе право модернизовать «отсталые» крупнейшие страны Европы.

Термин «демократический централизм» вошел в коммунистический вокабуляр в революционном 1905 г., когда казалось наконец возможным, что русские марксисты выйдут из подполья и внедрят действительно демократические процедуры в Российскую социал-демократическую рабочую партию. После революции, несмотря на то что на поворотном для большевиков X съезде партии в 1921 г. к демократическому централизму в сколько-нибудь значительной степени не обращались, этот термин возникал в предыдущие два года при двух особых обстоятельствах. С одной стороны, члены оппозиционной группы, озабоченные тем, что партийная жизнь атрофировалась под влиянием гражданской войны, называли

* *Michael Waller. Democratic Centralism: the Cost of Discipline. — In: Michael Waller, Meindert Fennema (eds.). Communist Parties in Western Europe: Decline or Adaption? Oxford — New York, 1988, p. 7—25.*

себя демократическими централистами в попытке путем возрождения этого термина оживить в партии демократическую практику, которая, по их мнению, находилась под угрозой. С другой стороны, на этом термине настаивалось в 21 условии приема партий в Коминтерн с совершенно иным упором — на строгую, «почти военную» дисциплину. Таким образом, на раннем этапе своего существования и при создании западноевропейских коммунистических партий этот термин для разных людей означал различные вещи. Стоит также отметить, что в то время он не вызывал такого резонанса в коммунистическом движении, какой он приобрел с той поры.

Когда в 1934 г. этот «ленинский принцип» впервые появился в партийном Уставе, он стал ассоциироваться на практике с нормами этой партии и партий, входящих в Коминтерн. К тому времени марксистское движение прошло уже через ряд кризисов и расколов. «Революционная» полемика, которая происходила на стыке столетий, позабылась в результате триумфального утверждения ленинизма в ходе русской революции, естественным следствием которого стал раскол левых сил в Западной Европе — и с этого момента те партии, которые сохранили название «социал-демократическая», перестали подчеркивать свое какое бы то ни было марксистское происхождение. Следующий разрыв произошел в сердце самой большевистской партии с поражением троцкистской оппозиции в Советском Союзе. Подобно тому как это делали до них демократические централисты (в отношении которых сам Троцкий выказывал мало симпатии), троцкистам предстояло защищать понятие демократического централизма, которое, как они утверждали, атрофировалось в большевистской партии после 1921 г.

После второй мировой войны коммунистическое движение быстро ширилось. Это расширение движения сопровождалось расколами, однако на этот раз расколы касались скорее государств, чем отдельных лиц или групп. Резонанс таких расколов внутри движения был очень велик. Исключение югославов из Коминформа и китайско-советский разрыв характеризовались откровенностью и завершенностью и до сих пор не исчерпали всех своих последствий. Отход от установленной советской ортодоксальности части неправящих коммунистических партий не сопровождался такой откровенностью и завершенностью, однако в ряде случаев имел не меньшее значение — например, в случае с радикальными левыми партиями в Латинской Америке, которые выросли в динамичных соперников латиноамериканских партий, в свое время входивших в Коминтерн, а также в отношении еврокоммунизма. По сути дела, в движение, которое когда-то отличалось своим единообразием, фактически, по-видимому, вторглось разнообразие.

Дело в том, что к вопросу о главенствующей роли единообразия или разнообразия в коммунистической организации следует подходить с особой осторожностью, поскольку коммунистическая организация обнаруживает как разнообразие, так и замасоченное единообразие, в зависимости от того, какая сфера организационной жизни обсуждается. Например, в экономической организации, субсидируемой правящими партиями, наблюдается огромное разнообразие. Однако что касается самих коммунистических партий, то больше всего поражает фамильное сходство в их организации, взглядах — как правящих, так и неправящих партий — на собственные взаимоотношения с обществом. Они и сами сознают это сходство; они гордятся им, и, когда борьба с расколом окончена, оказывается, что эти традиционные организационные формы по-прежнему остаются на месте.

Не может быть никакого сомнения в том, что коммунистические партии в годы своего формирования черпали значительную силу из этого единообразия, которое подкреплялось пониманием общей цели и политического значения коммунистического учения, а также совершенно особым организационным устройством. Одна из целей этой статьи заключается в том, чтобы обрисовать это устройство и проанализировать те проблемы, к которым оно со временем привело. Есть, однако, и другая, дополнительная задача: показать, что это единообразие длительное время находится в процессе создания и никогда не было завершено. Кроме того, мир шагнул вперед со времен Коминтерна. Отношения западноевропейских коммунистических партий с их окружением у себя в странах эволюционизировали, точно так же, как их отношения с Советским Союзом. Да и сам Советский Союз в значительной степени изменился.

Ввиду частого обращения к концепции демократического централизма, его влияния как символа и того статуса, который придают ему друзья и враги коммунизма как отличительному признаку коммунистической политической организации, приходишь в замешательство, обнаружив, что существуют серьезные реальные трудности в определении демократического централизма. В частности, внутри западноевропейских коммунистических партий его часто определяют как «свобода дискуссий — единство действия». Однако этот чисто практический способ определения не дает четкой характеристики: в нем самом не содержится никакого указания на совершенно особые отношения между дискуссией и действием, которые характерны для демократического централизма на практике.

Любопытно, что определения, содержащиеся в уставах различных партий, немногим лучше. В большинстве случаев эти

формулировки говорят в пользу осуществления политической деятельности, которая соответствует основным положениям либеральной демократии: они требуют подотчетности через избирательную систему и отзыв избранных представителей, они утверждают принцип большинства, и они принимают исполнительную власть в той степени, в какой это отнюдь не чуждо либеральной демократии. Именно это дало возможность Жану Элленштайну утверждать, что никакой пересмотр конституции не превратит в реальность устав Французской компартии; то же самое подчеркивал Альтюссер. Имеется в виду, что в этом уставе отсутствует реальный подход и что опять-таки, стремясь раскрыть то, что подразумевается под термином «демократический централизм», следует обращаться скорее к практике, чем к словесному определению.

С этой точки зрения наиболее содержательным представляется интервью, которое дал Поль Лоран «Франс нувель» в июне 1977 г. В этом интервью, так же, как в партийном уставе и чисто практическом способе определения (один из вариантов которого у Лорана звучит так: «живая демократическая жизнь, вера в руководство, единство в борьбе»), демократический централизм связывается с наиболее общими демократическими процессами: «дать возможность всем коммунистам активно и политически сознательно участвовать в формировании партийной политики и проведении ее в жизнь»; «демократические выборы»; «информация должна распространяться в коммунистической партии так широко и так демократично, как только возможно». Однако значительная часть определения Лораном демократического централизма просто-напросто почерпнута из организационной практики Французской коммунистической партии и представляет собой рационализацию этой практики. Именно практика наполняет определение и сообщает нам, какую форму примут «демократические выборы» и каким образом следует руководить съездами, а также устами Лорана объясняет, что «между двумя съездами ненормально, чтобы публично выражались различные точки зрения».

Практика, действительно, в конечном счете является наиболее удовлетворительной основой для определения демократического централизма. А раз так, то нередко через раздающуюся внутри партии критику того, как она ведет свои дела, приходит ясное понимание того, что означает на практике демократический централизм. В практике коммунистических партий ортодоксальный демократический централизм лучше всего освещать от обратного, а обратной стороной его является фракционность. Ну, а определение фракционности уже не представляет никаких проблем.

Запрет на фракционную деятельность сопровождал демократический централизм на протяжении всей истории этого

понятия. Эти два понятия связаны, как хаос и порядок, и они действительно явно рассматриваются в контексте терминов «хаос» и «порядок» при ортодоксальной интерпретации демократического централизма. Фракционность означает учреждение в партии самостоятельных групп, подчиняющихся своей дисциплине, а появление фракционности в коммунистическом движении можно точно датировать X съездом большевистской партии, состоявшимся в 1921 г. Запрету на фракционную деятельность предстояло стать, по словам Ральфа Милибанда, «священной коровой» ортодоксального коммунизма.

Если фракционность означает организацию групп внутри партии, то демократический централизм в таком случае делает упор на коллективизме, единстве и дисциплине. Задачу уточнения этих терминов можно далее решать путем перечисления механизмов, которые поддерживают это коллективное единство и дисциплину (что и будет сделано ниже). Следует, однако, чуть больше сказать о предмете фракционности.

Прежде всего, стремление к фракционности является проблемой для любой политической партии, и любая политическая партия должна устанавливать ей пределы, если она вообще хочет выжить, не говоря уже о достижении ею поставленных перед собой целей. Важное значение имеет вопрос о том, каким должно быть соотношение между централизмом и демократией и на что партия готова пойти ради сохранения какого бы то ни было конкретного соотношения.

Советская ортодоксальность, распространяемая на первоначальной стадии через Коминтерн, а на более поздней стадии — через принятие советской модели революционными элитами ряда менее развитых стран, совершенно очевидно, предполагает необычайно бросающийся в глаза перегиб в отношении исполнительной власти; а поскольку решающая черта этой ортодоксальности заключается в том, что она в свою очередь сама высоко ценит ортодоксальность, вряд ли можно ожидать здесь большого разнообразия. Тем больший интерес представляют в связи с этим те западноевропейские партии, где категорическому запрету на фракционность либо не следовали, либо он был снят. Так, например, финская партия умудряется в течение многих лет жить в состоянии постоянного раскола и в каком-то смысле институционализировала его. Традиционные призывы итальянской партии к демократическому централизму предполагают постоянное предписание ортодоксального единства и дисциплины, и тем не менее в партии существует ряд четко очерченных групп и союзов. А то внимание, которое западноевропейские коммунистические партии стали не так давно уделять радикальным группам, озабоченным проблемами мира, экологии и женской эмансипации, как можно ожидать, вызовет дальнейшее разнообразие, что уже глубоко отразилось на нидерландской партии.

Заслуживают также внимания пределы политической активности, которая рассматривается данной партией как фракционная. Прежде всего, объектом запрета становятся группы с четко установленным членством и руководством и с независимой программой. В этом отношении мало что отличает коммунистическую партию от других политических партий. Большой интерес представляют те случаи, когда нет никакой группы, а есть только выражение мнения, которое, как считает руководство, является предвестником формирования группы. Так, например, в экстремальных случаях в качестве фракционной деятельности может рассматриваться публикация статьи или книги.

Следующее соображение требует разъяснения терминологического вопроса. Слова «фракционность» и «фракция» были употреблены на X съезде большевистской партии в 1921 г. в ходе дискуссии о «единстве партии», и под фракционной деятельностью, о которой шла речь, подразумевались отдельные организации внутри партии. Характерно, однако, что коммунистическим партиям досаждало также соперничество между группировками в том смысле, что был ослаблен союз внутри партийного руководства. И хотя эти группировки действительно угрожали определенным образом расколоть партию, они, как правило, не являлись организованными группами, подчиняющимися своей собственной дисциплине, и, таким образом, представляют собой совершенно иной феномен.

По-видимому, существует определенная связь между тем, как работает ортодоксальный демократический централизм, и тенденцией к формированию таких группировок. Поскольку центр партии — средоточие всей власти и источник всего учения, именно в центре оспариваются власть и доктрина. И точно так же, как иерархический способ функционирования демократического централизма превращает членов партии в опору для руководства, так и любой группе или индивидууму, которые выступают в качестве оппозиции руководящей группе, следует найти последователей в партии или же воспользоваться любыми недовольными силами, которые уже существуют. В результате этого в политической жизни центра возникает тенденция время от времени сводить дело к борьбе между соперничающими группировками. В такой ситуации для руководящей группы в целом становится полезным «культ личности», призванный обеспечить максимальную стабильность и продолжение ее собственного пребывания у власти.

Лучшие иллюстрации таких руководящих группировок можно найти в истории советской и китайской партий: «антипартийная группировка» при преемниках Сталина и «банда четырех» в Китае служат хорошими примерами потер-

певших поражение руководящих группировок. Следовательно, нужно делать различие между «фракциями» и «группировками» в политике коммунистических партий, однако оба эти понятия заслуживают внимания при любом анализе ортодоксального демократического централизма.

Демократический централизм подразумевает определенный набор политических действий, но он также подразумевает и особую психологию. Это та психология, которая особенно высоко оценивает организационное единство. В советских источниках партия (и общество тоже) рассматривается как организм, который может быть здоров, а может подвергнуться заболеванию. Фракционность рассматривается как болезнь, как неправильное функционирование организма.

Такая психология освещает, узаконивает и объясняет целый ряд сторон политической деятельности, связанных с демократическим централизмом в Советском Союзе и в западноевропейских партиях. Она наиболее очевидна в запрете на фракционную деятельность; она наделяет руководство властью, которая покоится на чем-то значительно более прочном, чем принцип большинства; она соответствующим образом превращает меньшинство в нечто меньшее, чем меньшинство, — в «оппозицию», которую обвиняют сначала в неспособности понимать исторические законы, а затем в предательстве политического и социального института.

Если перейти от психологии к политическим механизмам, то нужно сказать, что следующие характерные черты политической жизни западноевропейских коммунистических партий связываются с демократическим централизмом как по мнению диссидентов (которые возражают против них), так и по мнению представителей партии (которые считают, что большинство этих черт отражает историческое лицо партии):

1. Подчинение представительных органов исполнительным; ограничение деятельности партийных съездов и конференций ратификацией решений, предварительное выработанных где-то в другом месте в структуре партии.

2. Видное положение внутри партии ее оплачиваемых профессионалов.

3. Контроль, который осуществляет партийное руководство над возможностями обмена мнениями, наряду с обесцениванием «дискуссионных клубов».

4. Система голосования, которая допускает широкий профиль представительства партии, но путем фильтрации кандидатов.

Эти механизмы представляют собой неудачное решение острого противоречия между психологией демократического

централизма и демократическими процедурами, которые торжественно хранятся в уставах коммунистических партий. Выборы проводятся, но так, что они благодаря фильтрации кандидатов не могут помешать коллективному благополучию; съезды созываются, но если должны возникнуть острые дебаты, то они состоятся не на съезде. Коллективистская психология демократического централизма требует, чтобы вопрос о том, кто организует фильтрацию на выборах и кто должен утвердить окончательную повестку дня съезда, решался «научным» путем, а это означает на практике — партийным руководством, которое говорит за всю партию, несмотря на то что эти же сложные механизмы препятствуют рядовым членам партии обеспечить, чтобы руководство за них говорило. «Научный социализм» — это призрак в механизме организации коммунистической партии, который остается привидением только до тех пор, пока он не низведен — как Маркс низвел государство — до действительного функционирования действительных людей.

Эту способность руководства выражать глобальные интересы и провозглашать «правильную» политику следует соотносить с тем, что было сказано выше относительно тенденции — наблюдающейся во внутриполитической жизни коммунистических партий на уровне центра — решать проблемы путем борьбы между руководством и «антипартийной группировкой». Ибо тот, кто держит под контролем власть, держит под контролем и Слово и может назвать своих соперников ренегатами, предателями, штрейкбрехерами, оппортунистами, врагами народа и т. п. и таким образом поставить их в политически явно невыгодное положение.

На эту проблему можно взглянуть иначе, сказав, что существует два способа принятия решений в коммунистических партиях. Прежде всего, существуют такие процедуры, которые коммунистические партии связывают с «буржуазной демократией», но тем не менее используют вышеописанным пригодным для себя образом — выборы (но с фильтрованием кандидатов) и съезды (на которых решения ратифицируются, но не обсуждаются). Второй способ совершенно не основывается на формальных процедурах, а исходит из предположения, что существует только один правильный выход — тот, который основывается на научном социализме, на понимании законов истории и дает возможность принимать решения, ведущие к достижению всеобщего блага и выходящие за рамки спорящих групп и индивидуумов внутри общества.

Это сочетание двух различных способов принятия решений объясняет также патологическую связь между «ренегатами» и партией. Исключение или выход из партии осуществляется «демократическим» способом. А те, о ком идет речь,

продолжают активную деятельность согласно второму способу, заявляя фактически, что именно они, а не партийное руководство сделали правильные выводы из основополагающего учения — марксизма-ленинизма. Утверждая, что они уже заняли место интеллектуального руководства, они таким образом приходят к выводу, что рано или поздно они заменят партийное руководство, действуя по официальным «демократическим» каналам.

Со своей стороны партийные руководители, являясь символом истины в последней инстанции в революционных вопросах, естественно, не могут терпеть никакого соперничества в этой области. Чем более яростно «ренегаты» держатся за основы марксизма-ленинизма, тем в большей степени их считают источником всевозможного зла, фальсификаций — что еще опаснее, поскольку это очень напоминает научный анализ, проводимый самой партией. Эта борьба ведется в абсолютных терминах: партия желает полного уничтожения своих бывших членов (правящие партии требуют физического уничтожения, неправящие — только политического). Вместе с тем «ренегаты», в общем-то говоря, «жаждут крови» партийного руководителя, который, по их мнению, виновен во всех грехах, совершенных в той коммунистической партии, о которой идет речь.

Эта психология и эта политическая практика, несомненно, служили источником большой организационной силы в определенном роде обстоятельствах. Однако еще меньше можно сомневаться в том, что именно ими объясняются чрезвычайная негибкость и те трудности, с которыми коммунистические партии приспособляются к меняющимся обстоятельствам. Говоря словами Макивена:

«На практике настаивание на том, чтобы низшие органы подчинялись высшим и меньшинство — большинству, объявление «фракций» вне закона... и обязательство бороться за решение, принятое большинством, делает невозможным для членов партии изменение политики партии или ее руководства. Все изменения должны идти сверху вниз, и этим объясняется, почему даже тогда, когда в коммунистических партиях происходят перемены, эти перемены склонны проводиться поспешно (часто в результате запоздалого признания предыдущих ошибок) или слишком поздно, или и то и другое».

В 1924 г. Рамсей Макдональд сказал: «Коммунизм, насколько мы его знаем, не имеет на практике ничего общего с нами. Он является продуктом царизма и военного образа мышления». В 1920 г. Осинский, член оппозиции демократических централистов в недавно родившемся Советском Союзе, заметил: «Нам не требуется милитаризация [на вре-

мя гражданской войны], потому что внутри нашего гражданского аппарата существует органическое тяготение к военным методам организации». В 1978 г. Альтюссер заявил, что все в ФКП происходит так, как будто «тщательно смоделированно на аппарате буржуазного государства и на военном аппарате».

«Z»

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТСКИЙ КРИЗИС: ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ТУПИК*

Совершенно ясно, что 1989 г. войдет в историю как год начала последнего кризиса коммунизма, и не только в России, а на всем пространстве от Балтийского до Китайского моря, от Берлина до Пекина. Также ясно, что перестройка и гласность, положительные по всем намерениям, при реализации лишь усугубили систематический кризис, который, как предполагалось, они должны были смягчить. Так произошло потому, что, подобно другим формам «мягкого коммунизма», они вступили в противоречие с логикой той системы, которую они, как ожидалось, спасут.

Михаил Горбачев попытался способствовать развитию «мягкого коммунизма», используя структуры и людей, запрограммированные на действия «жесткого коммунизма». Однако последний является лишь разновидностью советизма, а сущность любых форм советизма сводится к доминированию партии. Таким образом, именно тот инструмент, который Горбачев использует для проведения реформ — партия, — является главной причиной всех советских затруднений.

Каким может быть путь из этой противоречивой ситуации? Один из советских реформаторов после съезда, состоявшегося в июне 1989 г., заявил: «Страна находится на перепутье: либо мы пойдем по пути Китая, либо мы двинемся по пути Польши и Венгрии». Хотя он, несомненно, предпочел бы второй вариант, та альтернатива, которую он обрисовал, может оказаться выбором без выбора».

Китайский путь после июня 1989 г. означает относительное, хотя в последнее время несколько поблекшее, процветание в условиях режима политических и военных репрессий. Репрессии, безусловно, вполне возможны в России, однако что до рыночного процветания, то в ближайшем будущем им и не пахнет. И напротив, польско-венгерский путь означает подлинную демократию, однако в условиях экономического краха, причем настолько жестокого, что он угрожает выживаемости нового конституционного порядка.

* „International Herald Tribune”, 1990, January 5, p. 4. Данный материал представляет собой часть пространной статьи, помещенной в журнале Американской академии наук и искусств — „Daedalus”. Автор статьи укрылся под аббревиатурой «Z». — *Прим. ред.*

В России экономический крах является даже более глубоким, чем в Польше и Венгрии, однако вопрос о подлинной демократии, в отличие от простой демократизации, не стоит даже на повестке дня. Таким образом, русский путь развития может соединить наихудшие варианты китайского и восточноевропейского сценариев: экономический провал в сочетании с незыблемой лидирующей ролью партии.

В самом деле, все пути коммунистической реформы, похоже, заканчиваются тем или иным тупиком. Ленинские режимы, по мере того как они вступают в последнюю стадию упадка, видимо, могут либо взрываться, как это произошло в Польше, Венгрии, Восточной Германии, Чехословакии и Румынии, либо становиться перед военными на колени, с тем чтобы предотвратить взрыв, как это произошло при Дэн Сяопине в 1989 г. И этот мрачный тупик в конце утопии — следствие тех структур, которые созданы властью, ориентирующейся на утопию. Все невероятное предприятие Ленина—Сталина могло существовать только до той поры, пока человеческие и материальные ресурсы, питавшие систему, выдерживали бремя режима, и до тех пор, пока небольшие материальные достижения усиливали монополистические позиции партии.

Когда эти условия стало невозможно поддерживать после начала перехода к рыночной экономике, осуществленного в 1979 г. Дэном и восстания «Солидарности» в 1980 г., воля коммунистических партий к удержанию власти ослабла и привычный народу страх стал исчезать. Для выживания советской партийно-государственной системы вскоре потребовалось проведение перестройки и гласности. Однако это была лишь бледная замена рынка и демократии. Это были полумеры, предназначенные для того, чтобы кое-как консолидировать силы для восстановления общества, совместимого с ведущей ролью партии.

Однако этот «круг» нельзя было преобразовать в «квадрат». Если целью реформ являются рыночная экономика и частная собственность, то в таком случае партийное планирование становится ненужным, в полном смысле слова паразитическим. Если политические цели реформы состоят во введении многопартийности, проведении выборов и установлении законопорядка, то тогда двойственное партийно-государственное администрирование становится чрезмерным и пагубным.

Третьего пути между ленинизмом и рыночной системой, между большевизмом и конституционным правлением не существует. Рыночная экономика и демократизация ведут к оживлению гражданского общества, а в таком обществе требуется верховенство закона. Однако существование общества, где установлено верховенство закона, несовместимо с сохранением незаконной ведущей роли партии. Поэтому может

наступить такой момент, когда реформы потребуют ликвидации ее «ведущей роли» и всех тех структур, которые она создала. Россия и Центральная Европа подошли к такому критическому рубежу.

Ложный вопрос о том, как реконструировать ленинизм, уступает место подлинной проблеме, заключающейся в том, как демонтировать систему, как, наконец, найти выход из коммунизма. Перестройка не решение вопроса, а продвижение к этому выходу. Как предвидел Милован Джилас, на первом этапе перестройки коммунизм не может трансформировать сам себя, он может только развалиться.

Итак, если мы протрем глаза при виде самого ошеломляющего взрыва в коммунистической системе — краха Берлинской стены, — мы не должны делать вывод о том, что структуры, которые она до сих пор защищала, могут быть изменены с помощью лишь нескольких декретов о реформах. Быстрые революционные события 1989 г. не должны порождать иллюзию, что выход из коммунизма, которому они стали предвестником, также осуществится скоротечно.

Самыми трудными из всех будут события в Советском Союзе. В конце концов Россия имеет 70-летний, а не 45-летний опыт советизма. Кроме того, советская партия — это национальный институт, а не чужеродный элемент, и у нее есть глубокие корни, связанные с успехом патриотов в годы второй мировой войны.

Наконец, эта национально-имперская партия располагает военным аппаратом сверхдержавы.

Может ли Горбачев преуспеть? Должны ли мы помочь ему? Чтобы ответить на эти вопросы полнозначно, нам следует прежде разрешить другие вопросы. Преуспеть в чем? Помочь ему достигнуть чего? Если в результате процесса перестройки имеется в виду организация такой коммунистической системы, которая будет, с экономической точки зрения эффективной, а с политической точки зрения демократичной, то наш ответ должен быть — «нет». Фундаментальные структуры ленинской системы подошли к безвыходному тупику в конце 70-х годов, и нарастающие противоречия перестройки показывают, что систему нельзя реорганизовать или переделать. Она может либо погрузиться в стагнацию, либо ее надо демонтировать и со временем полностью заменить рыночными институтами.

Таким образом, любая помощь со стороны Запада, предоставленная Советскому государству с целью улучшения существующей системы, будет бесполезной. В этом смысле Горбачев не может надеяться на нашу помощь. Кроме того, подобная помощь противоречила бы подлинным интересам собственного советского народа и международного сообщества. Помощь советскому правительству могла бы только про-

длить агонию, подобно тому как это было с западными кредитами, предоставленными в 70-е годы Эдварду Гереку и польской партийно-государственной машине.

В том случае, если под успехом перестройки мы подразумевали бы переход от партийно-государственной системы и командной экономики к демократии и рынку, наш ответ, к сожалению, был бы таким же — «нет». Прежде всего потому, что такой переход не является целью горбачевской перестройки. Ее цель состоит в спасении всего, что можно спасти в существующей системе путем полууступок экономическим и человеческим реальностям. Кроме того, что более важно, такой переход положил бы конец основополагающей лидирующей роли партии и по сути означал бы самоликвидацию коммунизма. На это Горбачев, ясно, не намерен идти.

Однако события настоятельно требуют — независимо от желания советского руководства, а также от того, кто в будущем окажется в лидерах, — ликвидации данной системы. И в этом случае помощь Запада может сыграть конструктивную роль.

Во-первых, взаимное сокращение бремени вооружений, если оно будет проводиться с учетом законных требований обеспечения безопасности, будет способствовать смягчению жесточайшего кризиса, в котором оказались Советы (хотя это не повлияет на его структурные причины). Горбачев ясно демонстрирует свою готовность участвовать в процессе сокращения вооружений, принимая, однако, меры предосторожности для того, чтобы отступление Советов на международной арене не превратилось в беспорядочное бегство.

Во-вторых, хотя Запад не будет оказывать помощь экономическим институтам государственного сектора, он будет способствовать постепенному развитию параллельных структур частного сектора, действующих на рыночных принципах, и таким образом содействовать распространению экономического, а в конечном счете и политического плюрализма. Эта помощь может оказываться, например, путем создания свободных экономических зон, действующих на условиях Международного валютного фонда в таких районах, как республики Прибалтики, Армения или советский Дальний Восток. В этом случае можно надеяться, что такой параллельный сектор, возможно обладающий собственной конвертируемой валютой, в конечном счете распространится на всю территорию Советского Союза.

Такая политика будет представлять собой нечто похожее на умеренный вариант того, что в настоящее время правительство осуществляет в Польше. Однако то, с чем Горбачев готов соглашаться на внешнем периметре своей империи, в Центральной Европе (где он в действительности потерял контроль в 1988 г.) будет гораздо труднее принять для него

внутри страны, поскольку иностранные инвестиции поставят под угрозу советский суверенитет.

Таким образом, западные инвестиции в совместные либо другие предприятия в России должны осуществляться без триумфальных тирад о капиталистическом превосходстве с учетом чувствительной советской национальной гордости. Цель Запада должна состоять в том, чтобы поощрять перемены в советской действительности, оставляя нетронутой старую внешнюю атрибутику, что напоминает своего рода сделку между социализмом и императором Японии.

Однако движение Советского Союза к своему реальному отходу от коммунизма не может не быть долгим и мучительным. Оно не может означать односторонний или возрастающий прогресс на пути к интеграции в «едином европейском доме». Вместо этого необходимо, очевидно, будет продолжение кризиса, чтобы вызвать дальнейшие, более реальные реформы. И последняя попытка предотвратить крушение путем сдерживания дестабилизирующих реформ вполне может привести в движение военных, чего так опасаются московские либералы.

И кто знает, в случае развития такого сценария Горбачев, возможно, проворно окажется своим собственным преемником, или, если перестройка закончится еще одним 18 брюмера, своим собственным «Бонапартом». Горбачева будет трудно заменить, поскольку его международная репутация в настоящее время служит основным капиталом Советского Союза. Однако он не сможет позволить себе быть достаточно твердым «Бонапартом», поскольку он как бы «пленник» успеха своей внешней политики.

Несомненно, ни один из таких возможных путей не является радостным, и ни при одном из них Западу не придется легко. Однако лучше реалистически оценивать действительный выбор, стоящий перед Востоком, который плесневел в течение 70 лет утопии, окончившейся крахом, чем питать иллюзии на тот счет, что Горбачев является творцом безотлагательной демократии, или по поводу возможного прекращения конфликтов в истории.

Мы не должны также забывать, что коммунизм, хотя он и означает катастрофу почти в любой творческой сфере, всегда имел превосходство в одном — изобретательности и упорстве при сохранении монополии на власть.

Переход советского общества к нормальному состоянию потребует много времени. Партия, умирающая в условиях громкой гласности и демократизации, будет стремиться отдалить свой горький конец и продолжать обвиваться, подобно отравленному плющу, вокруг наций, которые она душила в своих объятиях так много десятилетий.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства «Прогресс»	3
<i>Ричард Саква</i> . Коммунистическая партия	5
<i>Эрнест Мандель</i> . Отражение морально-идеологического кризиса в Новой редакции Программы КПСС	21
<i>Эрнест Мандель</i> . Знаменательная конференция	31
<i>Рональд Дж. Хилл</i> . Горбачев и КПСС	39
<i>Джефф Тримбл</i> . И вот появляется Михаил Грозный	49
<i>Уильям Сэфайр</i> . Партия исчезает, появляется «супер-царь»	53
<i>Билл Келлер</i> . Литовская партия: ориентир для Горбачева	56
<i>Фрэд Коулмэн</i> . Еще один кризис Горбачева	59
<i>Хуан Уолт, Дианна Рейнхарт</i> . Интриги — часть борьбы за власть	62
<i>Фрэд Коулмэн</i> . До свидания, товарищи	65
<i>Кеннет М. Карри</i> . Отношения между партией и военными при Горбачеве	68
<i>Джон Гошко</i> . США делают ставку на выживание Горбачева	76
Время для русской революции	79
<i>Майкл Уоллер</i> . Демократический централизм: цена дисциплины	83
«Z». Последний советский кризис: все дороги ведут в тупик	93

КПСС: вчера, сегодня и ... завтра?

Сборник материалов
зарубежной печати

Редакторы *М. Ф. Носова, Н. С. Серегин*
Корректор *И. В. Леонтьева*
Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Сдано в набор 23.04.90 г.
Подписано в печать 03.05.90 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,25. Усл. кр.-отт. 6,75. Уч.-изд. л. 6,10.
Изд. № 24/46199. Заказ № 21.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «ПРОГРЕСС»
Государственного комитета СССР по печати
119847, ГСП, Москва-21, Zubovskiy bul'var, 17
